

Annotation

Попала! В другой мир, по воле магов, проводивших запрещённый ритуал. А что будет, если я оказалась не той? Ох, ты ж... И что от меня хотят эти «Ку-клукс-клановцы» в чёрных балахонах?

– Ал, ты уверен, что это она вместилище силы? – спросил один из присутствующих.

– Не надо имен! – огрызнулся тот, кого назвали Алом. – Призывное заклинание было точное из древнего манускрипта.

– Но она пустая! – возмутился третий.

– Сам вижу, – раздраженно гаркнул Ал.

– И что будем делать?

– Господа, минуточку внимания, – вклинулась я, Мира Рождественская, в этот диалог.

– Если вы с чем-то там ошиблись, то предлагаю вернуть меня назад. Читайте, что вы там читали, вызывайте свой туман, и возвращайте меня домой. У меня завтра второй день научной конференции!

Леви Кира

Глава 1. О том, как тяжело менять что-то в своей жизни

Глава 2. Опрокинувшийся мир

Глава 3. Целебный пинок

Глава 4. Не так страшна научная конференция, как внимание бывших

Глава 5. Добыча не хищника - шакала.

Глава 6. Призыв

Глава 7. Решение

Глава 8. Побег

Глава 9. О прошлом и настоящем

Глава 10. Странности

Леви Кира

Та, которой могло не быть

Глава 1. О том, как тяжело менять что-то в своей жизни

– Ну, Мира Андреевна, дорогая, может быть, вы передумаете? – всхлипывала моя молоденькая медсестра, вытирала слёзы белой медицинской шапочкой.

– Верочка, не плачьте. Что за трагедия? Будет с вами работать другой врач, – уговаривала я её, наливая в стакан воду из прозрачного стеклянного электрического чайника. – Не сошёл на мне свет клином!

– Ка... ка... кой друго... ой, – продолжала взхлёб плакать медсестричка, – Алина Сергеевна или Наталья Ивановна? Не. хочу, хочу с вами!

– Верочка, ну, успокойтесь, прошу, Вы используете запрещённый приём! Я уже трижды откладывала своё увольнение. Поймите, Вера, не всё в нашей жизни происходит так, как нам хочется.

Слёзы Веры бредили душу. Не выдержав её жалостливых взглядов, я нервно встала из-за стола и подошла к окну. Вид за стеклом открывался прекрасный. Золото листвы осеннего парка горело под солнечным светом. Но сейчас красоты пейзажа меня интересовали меньше всего. Мыслями я была не здесь, и не видела перед собой ничего, погружившись в воспоминания, в том числе, и об очередном утреннем разговоре, который был продолжением вчерашней нашей вечерней ссоры с Алексеем, моим гражданским мужем. Этот разговор и вынуждал меня сделать то, чего мне совсем не хотелось, то, из-за чего так горько плакала Верочка...

... – Мира, сколько можно повторять, тебе пора идти дальше! Ты в своей поликлинике плесенью покрылась, как и все твои антикварные пациенты. Все эти Кириллы Федосеевичи, Аглаи Дормидонтовны. Сколько ты будешь получать гроши за свою работу?! Ты понимаешь, твоё время и знания стоят денег, и это не три копейки!

Алексей был на взводе. Подобные разговоры он заводил в этом году с регулярностью раз в неделю, но в последнее время ещё больше активизировался.

– Лёша, я понимаю, деньги, но мне нравится моя работа. И пациенты мне мои нравятся. Большинство из них очень интересные и ничуть не антикварные. Слово-то какое придумал,

– улыбнулась ему, и поспешила ответить, стремясь прекратить этот очередной неприятный мне разговор. – Я не хочу увольняться, – взяла его за руку и постаралась заглянуть в глаза, которые он постоянно отводил.

– Мне надоело тебя содержать, – неожиданно вспыхнул мой всегда сдержанный, даже несколько флегматичный, мужчина и нервно встал с дивана, на котором мы обычно проводили вечера. Я – дописывая амбулаторные карточки, он – переключая каналы телевизора в поисках «дзена». Его слова резанули по живому.

Содержать... Значит, так он видит наш с ним совместный быт. Да, не спорю, он был добытчиком в нашей семье. А у меня была любимая работа. Но в последнее время что-то неуловимо изменилось в наших идеальных, как я считала, отношениях.

Мы с Алексеем вместе уже восемь лет, с пятого курса медуниверситета, где учились в одной группе на лечебном факультете. И вот на девятом году совместной жизни такие откровения.

Обида удушливой змеёй сдавила грудь. Я опустила ноги, до этого спрятанные под мягким пледом с белым единорогом, на пол в поиске опоры. Рукой с силой сжала резной подлокотник дивана до побелевших костяшек пальцев, чтобы унять предательскую дрожь.
Гадко

и грязно, словно плеснули
из ушата дерьма мне под ноги.

Тем временем Алексей продолжал гнуть своё, вовсе не обращая
внимания
на мои душевные терзания.

– Матвей уже давно предлагает тебе место в своей компании, так ты всё думаешь, взвешиваешь «за» и «против».

– Матвей? Ты же знаешь, что я его на дух не переношу ещё со студенческих лет,

– брезгливо скривилась, вспоминая бывшего. – И когда это я говорила, что обдумываю его предложение? Ты что-то путаешь, дорогой.

– Мирка, нельзя быть такой, – мой собеседник резко сел на диван и взял меня за руку, ловя мой взгляд. – Мало ли что наплела твоя малахольная подруга. Может быть, ничего и не было. А если и

было, за сроком давности всё уже списалось. Да ведь она одумалась и ещё прощения попросила за то, что оклеветала достойного человека.

– Алёшка, ты из-за мужской солидарности не видишь очевидного. Её вынудил так поступить Матвей. Я же видела, в каком состоянии она ко мне пришла в ту новогоднюю ночь. Да, я там не была. Оказывается, иногда полезно болеть. Но я тебе точно говорю, он её изнасиловал. И если бы она послушала меня, и мы сразу пошли бы в полицию, то были бы запротokolированные доказательства, а так он вместе со своим отцом-адвокатом всё перевернул в своих интересах.

– Мира, не хочу слышать эти ваши бабские домыслы, – пренебрежительно фыркнул муж.

– Речь вообще о другом. Ты идёшь в его компанию
медпредставителем
или нет?

– Мне нужно подумать, – это был не тот ответ, который он ждал от

меня.

– Значит так, – Алексей прошёл по комнате туда-сюда, снова сорвавшись с места, – или ты уходишь в медпредставители, или лавочка закрывается, я уйду от тебя.

Это был удар ниже пояса. Я задохнулась от его последних слов. Вот так вот, он уходит после наших совместно прожитых лет? Ничуть не жалея и не сожалея? Выдвигая ультиматум?

– Кто она? – всё резко встало на свои места, словно пелена спала с глаз. Столько мелочей сейчас складывалось в логическую цепочку. То, что я старательно не замечала, теперь всплыло на поверхность.

Алексей напрягся, но, совладав с собой, непринуждённо улыбнулся
и снова сел на диван, увлекая меня за собой.

– Дура, я ж говорю, баба, – он попытался взять меня за подбородок и поцеловать. Но было уже поздно. Сомнение стремительно расцветало буйным цветом в груди, выжигая абсолютное доверие и уверенность в надёжности этого человека.

– Алексей, мне не нужны эти игры и твои ультиматумы. Хочешь уйти – иди. Не нужно придумывать причины, – мой голос прозвучал неожиданно спокойно, хотя в душе всё переворачивалось и рвалось в лохмотья. Может быть, я действительно дура, и всё придумала, сделала неправильные выводы? Всё-таки восемь лет вместе. Хоть и в гражданском браке, потому что штамп в паспорте делает из мужчины-

сокола мужчину-борова, так всегда говорил Алексей, когда я ненароком заводила разговор о том, чтобы оформить наши отношения официально. И есть ли ещё «мы»? Вот в чём вопрос. И ответ я на него получила незамедлительно.

– А вот возьму и уйду. Жаба холодная, – зло процедил он сквозь зубы, подскочил с дивана, стремительно достал чемодан и стал бросать в него свои вещи. С какой-то горячей ненавистью во взгляде поглядывая на меня, продолжил: – Посмотришь, как жить на одну свою бюджетную зарплату и без мужика в доме, Мира Андреевна, врач-терапевт высшей категории. Кто тебя кормить-то будет? Старички твои нищие?

– Алексей Павлович, видать, вы не мой Иван-царевич, если я до сих пор осталась жабой. Давайте без ехидства и злорадства обойдёмся. Я всё поняла, что вы хотели до меня донести. Ключи оставите на столике

в прихожей, дверь захлопнете за собой.

Я встала и прошла мимо своего, ещё пять минут назад, мужчины, а теперь, по-видимому, бывшего. Закрывает дверь в ванную на щеколду и включила воду. Вот теперь можно и дать волю слезам. Горьким, обидным, разрушительным, выворачивающим наизнанку... За шумом воды и собственным водопадом из слёз не услышала, как хлопнула входная дверь, закрываясь за тем, кто был для меня родным человеком целых восемь лет. Выйдя из ванной, первым делом заглянула в прихожую. Ключи лежали на столике, там, где я и велела их оставить... Значит, возвращаться не собирается.

И всё-таки Алёша добился своего. Теперь мне точно придётся уволиться, чтобы перейти на другую, высокооплачиваемую работу, потому как платить по счетам за квартиру, заправлять машину, одеваться и питаться не получится с зарплатой врача городской поликлиники, не имея крепкого плеча рядом.

Стук в дверь заставил меня вынырнуть из мыслей-воспоминаний, сбросить оцепенение и вернуться в свой участковый кабинет приёма. Сегодня

я ещё врач! Настойчивый стук повторился.

– Войдите! – крикнула я, садясь за свой стол и вынимая фонендоскоп

из верхнего ящика стола.

– Мира Андреевна, можно? – в дверном приёме появилась сначала голова, а потом зашло и всё тело Аглаи Дормидонтовны – боевой старушки, бывшей актрисы театра и кино. Теперь одинокой,

позабывшей, брошенной старой женщины с гипертонической болезнью и стенокардией. Я бросила взгляд на часы над дверью. До начала приёма оставалось двадцать минут, но не будешь же заставлять её ждать всё это время.

– Проходите, Аглая Дормидонтовна, что вас привело ко мне сегодня?

Мы же договаривались на среду, а сегодня понедельник.

Я взяла с полочки тонометр для измерения давления и словила её руку, которой она очень любила театрально жестикулировать при разговоре.

– Давайте измеряем давление и посчитаем пульс, а потом вы мне всё расскажете. Давление и пульс оказались в норме, соответственно её возрасту.

– Дорогая, Мира Андреевна, а я пришла пригласить вас на свадьбу, – старушка улыбнулась, и на её щеках заиграли ямочки.

– Приятная новость, и кто же этот герой, что смог завоевать ваше

сердце? – я искренне обрадовалась за Аглаю. Одиночество очень печально, особенно в пожилом возрасте. Не хотелось бы мне испытать его на себе. И снова вспомнился ушедший Алексей. Детей мы не родили, потому что для него было ещё рано, а теперь, видимо, для нас уже поздно. И осталась я одна. «Какие твои годы? – скажут оптимисты. – Всё ещё будет!» А если так, как у этой бодренькой старушки? Ведь и она не думала при том количестве поклонников, любовников и желающих быть рядом, что к пенсии останется одна-одинёшенька.

– Да вы его знаете! – развеселилась женщина и выудила из ридикюля приглашение. – Мы и вас, Верочка, приглашаем, – повернулась она к медсестре, которая с интересом слушала пациентку.

Я взяла пригласительную открытку с изображением двух колец и белых голубей, стоящих на этих кольцах и прижимающихся друг к другу ярко-розовыми клювами. Станный вкус у художника, ну да впрочем... Я открыла открытку и прочитала, что на бракосочетание нас приглашают Кирилл Федосеевич и Аглая Дормидонтовна.

– Кирилл Федосеевич – счастливый жених? – улыбнулась, видя, как засветились от счастья глаза женщины. – Ох, только вы поаккуратней со счастливыми и радостными моментами. Наш бравый лётчик недавно перенес инфаркт. Сейчас у него реабилитационный

период, – оказывается, и жениха я очень хорошо знала. Мой пациент!
Уж

не в очереди ли ко мне на приём они
познакомились?

– Да, наша драгоценная Мира Андреевна, знаю, – она достала второй пригласительный и протянула Верочке. – Мы и вас будем ждать, Верочка. Вы для нас обоих стали, как семья. Приходите обязательно, будет чудесная пирушка, а после поедем на дачу. Красота! Бабье лето подарит нам прекрасную возможность насладиться природой.

Помните, как у Ольги Берггольц?

«Есть время природы особого света,
Неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется бабье лето,

И в прелести спорит с самою весной»

– Я приеду, обещаю, – погладила женщину по руке, которую она мне протянула. Прекрасное настроение пациентки передалось и мне. Есть люди, которые способны одарить радостью окружающих, и Аглая

– одна из них.

– Спасибо, будем ждать, – Аглая Дормидонтовна лучезарно улыбнулась и, одарив нас на прощание поклоном, достойным сцены, ушла.

Верочка тяжело вздохнула и ткнула пальцем ей вслед.

– Вот, видите, что у нас творится на участке, а вы уйти хотите!

– Вера, а что творится? Это всего лишь жизнь! Видите, люди женятся! Готовьтесь, на свадьбе гулять будем. Не забыть бы аптечку с собой прихватить, а то радость тоже может быть фатальной.

Рабочий день пролетел, насыщенный будничными заботами. Ну, всё, последний пациент принят, можно идти к главному врачу с заявлением об увольнении.

Я шла по коридору и здоровалась в ответ со всем медперсоналом, что встречался мне на пути.

Вот и приёмная. Секретарь, дородная женщина с накладным шиньоном, строго посмотрела на входящего, но, рассмотрев меня из-за толстых стёкол очков, заулыбалась и поднялась мне навстречу.

– Сидите, сидите, Фаина Борисовна. Главный у себя? – махнула рукой, предупреждая, чтобы она не вставала.

– Мира Андреевна, в отпуск собрались? – кивнула секретарь головой в направлении моего заявления, скрученного трубочкой. Лист

бумаги словно жёг мне руки, и спокойно его удерживать уже не было сил.

– Почти, – уклончиво ответила, предполагая, что услышу такой же концерт, как мне устроила Верочка.

Секретарь нажала кнопку прямой связи и громко, чётко доложила главному врачу о моём приходе. В ответ я услышала басовитый голос главного, разрешающего войти, чем я не преминула воспользоваться. Добротная дверь с кое-где облупившимся лаком открылась в обычный затрапезный кабинет руководителя эпохи Советского Союза. Только на полированном двухтумбовом столе стоял новенький ноутбук да на стене висел плоский экран, на который обычно выводили изображение проводимых медконференций и селекторных совещаний с городским департаментом здравоохранения.

– Мира Андреевна, что привело вас ко мне? – заинтересованно спросил лысеющий мужчина лет пятидесяти с цепким взглядом и тяжёлой нижней челюстью бульдога. За глаза его так между собой и называли.

– Иван Савельевич, вот, – положила перед ним заявление об уходе. – Увольняться надумала.

– Мира Андреевна! Вы что! Мне участки и так не кем прикрывать, а тут ещё вы! Нет! – возмутился он с явным

негодованием в голосе.

– Обстоятельства так сложились. Выход только один – смена работы на другую, более высокооплачиваемую, – уверенно и спокойно

доносила ему необходимость такого шага.

– Мне на жизнь не хватает. Алексей Павлович решил, что мне пора самой себя содержать.

Иван Савельевич внимательно посмотрел на меня долгим взглядом пожившего жизнь человека и неодобрительно покачал головой. Но уговаривать больше не стал.

– Только с двухнедельной отработкой, – рублено бросил и несколько нервно расписался на заявлении, сделав пометку для отдела кадров «в приказ».

– В случае чего, мы всегда вам рады, Мира Андреевна, – он немного смягчил тон и посмотрел на меня отеческим взглядом. – Вы хотя бы из медицины не уходите? – вопросительно изогнул кустистую бровь и предложил присесть за стол. Жестом фокусника он

извлёк из тумбочки стола пару стопочек и хрустальный графинчик с янтарной жидкостью. – Фая, два кофе с лимончиком, – через связь попросил он.

– Почти. Иду в медпредставители, – грустно вздохнула и приняла предложенный напиток.

– И когда правительство поймёт, что на такие мизерные зарплаты не удержишь хороших специалистов? – риторически задал он вопрос.

– К Яланскому? Лёшка давно тебя к нему сватает.

От двусмысленности слова «сватает» меня передёрнуло. Не приведи Господи такое сватовство.

– Нет, – улыбнулась главврачу, – к его конкуренту.

Соболевской.

– Ну и хорошо, – согласился он. – Яланского недолюбиваю, скользкий, как угорь.

– Ещё какой скользкий, – согласилась с его мнением. Я-то знала кто такой Яланский очень хорошо.

Глава 2. Опрокинувшийся мир

Близилась к концу отработка второй недели перед моим увольнением. После работы, по дороге в свою пустую квартиру,

решила наконец-то купить что-нибудь из продуктов и приготовить домашней еды. С того момента, как ушёл Алексей, я ни разу не готовила дома, питалась всухомятку, одними бутербродами. Странно, на меня это было не похоже. Я любила готовить и всегда делала это с удовольствием, устраивая своему мужчине гастрономические путешествия и знакомя его с кухнями разных стран. А сейчас для себя мне ничего не хотелось. Наверное, стресс так сказывался.

Я припарковала свою старенькую “Ауди” на стоянке и выскочила под дождь, чтобы бегом добежать до супермаркета. Правду говорят – шопинг творит чудеса. Побродив больше часа между рядами с яркими витринами, нагребла себе полный пакет продуктов, из которых можно было приготовить сносный обед для пятерых. И куда мне столько? Хотя в поликлинике не помешало бы стол накрыть. Так сказать, отходные. Стоило об этом подумать, как поняла, что для застолья кое-чего не хватает, и пробежала новый круг по магазину, докупив сухое вино

и торт.

Расплатившись на кассе, потянула купленное богатство в машину, засунула пакеты на заднее сидение и села за руль. Рингтон вызова телефона в тишине салона показался неожиданно громким, даже испугал меня. Я подняла телефон с соседнего сидения, соображая, что он провалялся тут бесхозным, пока делала покупки в магазине. Вызов резко прекратился, не успела и ответить. На экране высветилось

«мама». Девять пропущенных вызовов. Сердце сжалось в предчувствии плохих новостей. Я поспешно набрала номер сама, напряжённо дожидаясь ответа.

– Мама, что случилось? – ещё не услышав голос, спросила. –
у

тебя всё в порядке?

– Мирочка, это тётя Галя, соседка твоей мамы, – заговорила со мной другая женщина. – Маме твоей стало плохо, и я вызвала ей скорую

помощь. Тебе мы не могли дозвониться.

– Галина Ивановна, в какую больницу её увезли? Что с ней: давление, сердце? – тревога нарастала, я в нетерпении уже заводила мотор, зажав телефон плечом.

– Врач сказала, что инфаркт миокарда, – сообщила
неутешительный

диагноз женщина.

– Её в кардиоцентр забрали.

– Галина Ивановна, спасибо, я уже еду туда. А Антошки не было дома? – спросила я о младшем брате. Хотя понимала, что раз со мной разговаривает мамина соседка-подруга, то моего младшего брата с его семейством нет дома. – Они укатили на дачу ещё вчера, виноград

закрывать на зиму, – доложила Галина Ивановна. – Я Антону не звонила, Люся не велела. Сказала, чтобы только тебе сообщила. Нечего Антошку беспокоить с его мыр... Ой! Короче, только тебе сказала позвонить.

– Хорошо. Я вас потом наберу или, скорее всего, заеду.

Увидимся, если не сегодня, то завтра. До свидания.

Моя машина, хоть и старенькая, но быстро довезла до пункта назначения – в кардиоцентр. В приёмном покое я выяснила, в каком отделении находится мама, и помчалась выяснять состояние больной Людмилы Николаевны Рождественской. В отделении меня встретил дежурный врач, который ни сном, ни духом не ведал о такой пациентке. Путём долгих выяснений и переговоров с другими отделениями я выяснила, что мама находится в реанимации. Двадцать ступеней вверх, и вот я стою перед дверью в отделение интенсивной терапии и реанимации. Сердце стучит в районе горла, на языке привкус железа, ладшки холодные и влажные. Нервничаю. Нужно сделать

шаг и всё узнать.

Разговор с лечащим врачом был краток. Состояние стабильно тяжёлое. Готовим к шунтированию. Делаем всё возможное. О прогнозах говорить очень рано. Я и сама это понимала. Оставив свой контактный телефон, отправилась к маме домой и в аптеку, чтобы собрать по списку всё необходимое для выздоровления и пребывания

в больнице.

Помчалась к нам домой. Ну, как к нам. Я здесь не жила с первого курса универа. С тех пор, как съехала на квартиру к бабушке, поближе к ВУЗу. А в нашей трёшке осталась мама с братом Антоном, который был младше меня на восемь лет, и его женой Адой, которая очень даже

оправдывала своё имя, доводя маму до истерик разной интенсивности, от тихой вялотекущей до буйной с битьём посуды. И как бы эта красотка

не поспособствовала развитию

заболевания...

Я уже практически доехала до дома, когда раздался звонок телефона и на экране высветился незнакомый номер. Приняла вызов, сидя

за рулём, а зря.

– Мира Андреевна, извините, это врач из реанимации, мы с вами разговаривали

недавно,

– доктор замолчал. Я тоже не спешила спрашивать о причине звонка. Испугалась того, что могу услышать. До спазма в горле. До шума в ушах от зачастившего сердца. Чувствовала, как сердце в

ненормальном галопе обрывается и стремительно летит куда-то вниз.
И в раз пересохшее горло не дает спросить: что случилось? – Алло,
Мира

Андреевна, Вы меня слышите?

– Да... да, слышу. Говорите.
Протолкнула нервный ком.

– Вашей маме резко стало хуже и она... – доктор на том конце
провода
замаялся. – Вы сможете вернуться в больницу?

– Я... я сейчас. Я... быстро, – затормозила так резко, что
раздался визг и запахло палёной резиной. Нарушая все правила
дорожного движения, развернула машину по двойной сплошной
полосе, благо ночная дорога была пуста.

Через полчаса я вошла в палату, где лежала мама. Бледная,
холодная, неживая... Я опоздала. Не успела с ней проститься.

Стук капель дождя по чёрному зонту. Промозглая сырость
пробирает до костей. Дорожки воды стекают по плащу, холодной ветер
трепет одежду, словно хочет вырвать куски ткани, косые капли
забиваются под зонт и смешиваются с моими слезами от потери
дорогого мне человека. От пролитых слёз тяжело дышать. Судорожные
всхлипы вырываются из горла. Дерут болью. Говорят, что не нужно
плакать в таких местах, тогда душе легче уходить, но как же сложно не
изливать

свою боль.

Похороны были скромными. В непогоду на кладбище, чтобы
проводить маму в последний путь, поехали только самые близкие
родственники
– я и брат, да ещё подруга,
соседка Галина Ивановна.

Священник провёл причитающийся ритуал и пригласил
попрощаться с усопшей, рабой Божией Людмилой. И мы попрощались

– тихо, без подвываний и бабских причитаний. Но на сердце было
невыносимо тяжело. А заполнить пустоту в душе, которая разверзлась
от утраты, невозможно ничем. Ну, может, только счастливыми
воспоминаниями,
потом, когда буду перелистывать
семейный альбом.

Это была моя первая такая осознанная потеря. Своего отца я не
помнила. Когда я училась в школе, бабушка по отцовской линии уехала
к своей сестре в гости, там и померла, поэтому мне она запомнилась
живой. Отец брата, второй муж матери, уехал на заработки уж лет
десять как назад, да так там и остался. Хотя, нужно отдать ему

должное, он продолжает и поныне финансово поддерживать брата с его семьёй.

Дождь усилился. Грянул гром, заставляя испуганно втянуть голову в плечи, словно это как-то могло помочь укрыться от ненастья. Гром осенью редок, но зловещи его раскаты. Казалось, небо прорвало, и оно плачет вместе с нами. Порывы ветра нещадно вырвали зонт из рук, выворачивая его наизнанку. Я сложила бесполезную вещь, да так и стояла под стеной холодной воды и смотрела, как уходит та, что была моим

светом с рождения и до последнего дня.

– Прощай и прости... мама...

– Мира, – окликнул меня Антон из своего автомобиля, в котором он укрылся от непогоды, когда я усадила в такси Галину Ивановну, чтобы та быстрее добралась домой в тепло. А мне ещё предстояло уладить организационные дела с ритуальной службой. – Мне с тобой поговорить нужно.

– Антошка, давай позже, я промокла до последней нитки, – нервная дрожь смешивалась с ознобом, бившем меня так, что зуб на зуб не попадал.

– Нет, Мира, сядь ко мне в машину. Я печку включил.

Поговорим, заодно и погреешься.

Настойчивость брата вынудила меня уступить ему. И я села к нему в машину. – Что за разговор, который нельзя отложить? – недовольно пробурчала и хмуро посмотрела на Антона, не понимая такой настойчивости.

– Ты будешь претендовать на свою часть квартиры? – выпалил тот без предисловий.

Вопрос был не к месту и не ко времени. Я с раздражением уставилась на него, не понимая, почему именно сейчас, когда мы ещё на кладбище и даже не помянули мать по христианским традициям, Антон

решил поднять эту тему. И снова озарение.

– Это Ада надоумила? – прищурившись, посмотрела на бегущие глаза братишки. – Решили ковать железо, пока горячо?

– Ну, почему сразу Ада, – стал он оправдываться, – я сам...

– Хм, ты сам. Антон, ты сам в туалете попку бумажкой подтереть можешь, а во всём остальном слушаешься жену. Возможно, в твоём случае так и нужно. Мы вырастили с мамой не мужчину, а инфантильного мальчика. Можешь передать интересующейся стороне,

что пусть живет спокойно, претендовать для себя не буду, но оформлю на твоего Никитку так, чтобы вы не смогли продать квартиру до его совершеннолетия. Ладно, братик, мне пора, меня ещё люди ждут на поминальном обеде.

Христианские обряды поминания усопших теребят души живых и помогают душе умершего обрести покой. Завтрак на кладбище, девять дней... Мы снова собрались узким кругом: брат с женой, маленький Никитка, который всё время подбегал ко мне, дёргал за край юбки и спрашивал, когда же бабушка вернётся из тёплых краёв. А я каждый раз вздрагивала и с тоской утыкалась глазами в портрет мамы, перевязанный чёрной лентой. Как же хорошо маленькому Никитке, он ещё не особо понимает происходящее вокруг. Уже на выходе меня окликнула Ада.

– Мира, постой, я тут собрала мамины вещи, думаю, тебе они пригодятся.

Она вернулась в комнату и вынесла большую шкатулку из слоновой кости. Мамина любимая. Она в ней хранила сокровища – воспоминания о том, когда мы с братом были маленькими.

– Спасибо, Ада, – забрала у невестки из рук шкатулку и трепетно прижала её к себе, чуть не разревевшись, хотя крепилась целый день. – Я, пожалуй, пойду, завтра на стажировку на новую работу выходить.

– Что, теперь богатой станешь? – ехидно бросила мне в спину Ада. – А говорила, что любишь свою поликлинику, всех этих

стариков заплесневелых.

– Люблю. Ты знаешь, через десяток лет ты станешь не лучше их, а может, и раньше, судя по твоей одышке и расширенным сосудистым звёздочкам на лице. Ты бы, дорогуша, не злоупотребляла и не злорадствовала, а то молодость скоротечна, – говорить с ней мне было больше не о чем. Развернувшись, пошла к двери, слыша в спину ругательства и проклятия.

– Чтоб ты сдохла, вобла сушёная! Вон, Алёшка твой раскусил тебя, такую кралю себе завел, закачаешься. Не чета тебе. Красавица. Ноги от ушей. В норковом манто, на японце, не то, что ты на своей тарантайке в драповом пальтишке. По ресторанам ходят. А тебя он дома в четырёх стенах держал. А ты ему разносолы готовила, кофе в постель

приносила.

– Глупая ты, Ада. Разве счастье в норковом манто и в ресторанах? – тяжело вздохнула и, не оглядываясь, ушла, захлопнув за собой дверь.

И всё же разревелась, когда за спиной закрылась дверь моей пустой квартиры. Алексей, мама, работа. Три потери за короткий

промежуток времени. Конечно, смерть близких несравнима с предательством любимого человека и потерей любимой работы, но всё же.

Плакала тихо, скользя взглядом по крышке шкатулки с индийскими слонами и садами Махараджей с дивными цветами. Откинула крышку и сквозь слёзы заглянула внутрь, на секунду ослеплённая всполохом света. Зажмурилась и протёрла глаза, соображая, что могло так блеснуть. Сверху лежал небольшой фотоальбом наших с братом детских фотографий. Открыла его на первой странице, любовно погладив по строчкам с датами и нашими именами, написанных рукой мамы аккуратным каллиграфическим почерком.

Вот я у неё на руках, завёрнутая в легкую пелёнку с кружевным краем. Мама даже эту пелёнку зачем-то хранила. Вот она, под альбомом лежит. Протянула руку и вынула ткань. Тонкий батист, по краю отделанный тончайшим кружевом ручной работы, с золотым шитьём монограммы буквы "М". Видимо, мама заранее готовила приданое, когда была мною беременна, любовно вышивая витой цветочный орнамент с маленькой птичкой на завитке, с ключом в

клювике. На одном из углов пелёнки была приколата золотая английская булавка. Есть такая примета, что булавка – от сглаза. О, так вот, что так блеснуло! В головке булавки был вставлен бриллиант. Отстегнула её и пристегнула себе на водолазку. Пусть булавка будет всегда

со мной, как память о маме, как оберег.

Перелистывая страницы альбома, остановилась на фотографии беременной мамы, которая держала на руках семилетнюю меня. Я так чётко помнила тот день и как нас фотографировал отчим.

Был солнечный сентябрьский день. Взрослые чего-то суетились, а я, с утра нарядно одетая в новый джинсовой сарафан, с заплетёнными косами, в которые мама вплела цветные ленточки, в белых гольфах и мягких тапочках-собаках, притаилась в своей комнате на подоконнике за шторой. Задрав голову вверх, я любовалась лучом света, который прорезал пространство. Казалось, только руку протяни – и возьмёшь его, но пальчики скользили по воздуху, ничуть не мешая лучику, в свете которого кружились, танцуя, пылинки.

Мама зашла в комнату, поглаживая большой живот, в котором крутился

мой братик.

– Мама, а откуда берутся дети в животе? – задала я извечный детский вопрос, подглядывая за ней в щёлочку между шторами.

– Это подарок Богов, – мама мягко улыбалась, заглядывая ко мне

в укрытие.

– А я тоже подарок? – рассматривала её светло-карие смеющиеся глаза, смотревшие на меня с теплотой, словно она пыталась запомнить, как я сейчас выгляжу.

– Да, ты – что ни есть, самый настоящий подарок, – мама ласково погладила меня по голове и притянула к себе, чтобы поцеловать в макушку. – Самый чудесный и неожиданный подарок в моей жизни, который я нашла. И никому не отдам...

Я совершенно не знала своего отца. Мама с бабушкой говорили, что он погиб в тот день, когда у них появилась я. Когда я шкандила, бабушка всегда фыркала:

– Свалилась на нашу голову.

А потом обнимала меня и говорила:

– Мирочка, ты свет и надежда мамы, давай не будем её расстраивать.

Воспоминания затопили меня. Каждая фотография – это событие. Веха на пути наших жизней. Тот крючок, благодаря которому не просто скользишь по дороге жизни между понедельниками, а цепляешься за жизнь.

Долистав альбом, на последней странице я нашла сложенный вчетверо

пожелтевший от времени лист хрустящей бумаги.

Или он изначально был таким? Развернула, чтобы посмотреть, что же такого интересного в этом листе, что мама так бережно его хранила. Озадаченно стала рассматривать рисунок на бумаге: чётко начертанная от руки шестиугольная звезда, внутри которой было бурое, расплывшееся пятно, словно бумагу когда-то окропили кровью, с написанным латинскими буквами одним словом «Мирайя» и непонятными символами между лучами. В глубине души неприятно царапнуло. Зачем мама хранила эту бумагу, почему не выбросила? Что за ритуал проводился? И кто такая Мирайя? Неприятно было вдвойне, потому что моё имя и имя, написанное на пергаменте, были созвучны

– Мира-Мирайя. Скомкала ненужную бумажку, чтобы выбросить, и засунула пока в карман пальто, в котором так и осталась, придя домой с улицы.

Поднялась с пола, где всё это время сидела, то плача, то улыбаясь, сложила содержимое шкатулки назад, до следующего ностальгического вечера. Пора спать. Завтра начнётся новый день, который принесёт много нового и, я верю, интересного. Первый день на новой работе под начальством Дарьи Соболевской, той самой подруги,

о которой так нелестно отзывался Алексей.

Глава 3. Целебный пинок

– Мира, дорогая, ты не можешь мне отказать, – уговаривала меня моя подруга Дарья, по совместительству директор фирмы «МЕД-Инко»,

в которой я работала уже месяц.

– Дарья Игоревна, как моё руководство, вы, конечно, можете дать соответствующее

распоряжение, и я подчинюсь. Но!

Даша, как подруга, пойми, я не хочу ехать на эту конференцию. Там будет Алексей со своей пассией, – на последних словах я поморщилась, словно от зубной боли.

– Мира Андреевна, тогда тем более вам нужно быть там и показать себя во всей красе! Пусть видит, кого потерял, и что ты не сидишь дома в четырёх стенах и не рыдаешь в подушку по нему.

Даша оживилась и, соскочив со стула, поцокала десятисантиметровыми шпильками в сторону бара. Достала бутылку с белым вином, покрутила её в руках, оглядываясь на меня и

примеряясь, достаточно ли его для нас двоих. Не удовлетворившись, поставила назад и вынула бутылку коньяка и два круглых бокала.

– Коньяк лучше всего снижает давление, – выдала она расхожее мнение,

щедро плеснув янтарную жидкость на дно бокалов.

– Если в пределах семидесяти грамм, то да, снижает. Снимает спазм сосудов, ну, а если больше, то, наоборот, повышает, как и любой другой алкоголь. А если принимать часто, то и зависимость появляется, – на автомате выдала информацию, которую часто озвучивала

своим пациентам.

Пока я рассказывала о действии напитка на организм, Даша организовала закуску – плитку чёрного бельгийского шоколада, изломав

его в мелкий кубик.

– Мира Андреевна, спасибо за консультацию. Зависимость – это не про нас. Так, о чём это я? Мира, давай выпьем за нас, железобетонных, стойких и несгибаемых! – бодро произнесла она тост.

Короткий звон бокалов поставил точку в её предложении. И Даша одним махом проглотила напиток на дне бокала. Я в точности

повторила её действие. Разжевав кусочек шоколада, она продолжила:

– Не хочешь видеть Лёшку – тем более ты должна идти. Это как горькое лекарство – не хочешь пить, зная о его противном вкусе, но понимаешь, что именно оно принесёт выздоровление.

– Горькое лекарство. Согласна. Не знаю, что на меня нашло.

Никогда не занимала позицию страуса.

Уверенность в голосе Даши придала силы и мне. Последние события меня всё-таки подкосили. Я стала сомневаться в себе, в чём и призналась

подруге:

– Видимо, всё навалилось сразу, вот я и не смогла удержать удар.

– Подумаешь, свалилась на пол! Поднялась, отряхнулась и нанесла ответный удар промеж глаз или ног. Тут уж смотреть нужно, куда эффективней, – она задорно подмигнула мне.

– Ты на этой конференции блистать будешь! О тебе ещё говорить будут в кулуарах.

– С чего бы это? – напряглась, почувствовав подвох. – Что ты задумала?

– Ты выступишь с докладом! И в роли исполняющего обязанности директора «МЕДИНко», – торжественно сообщила она, как будто бы вручила мне ценный приз.

– Это что за финт ушами? А ты где будешь?

Для того, чтобы Даша оставила свою компанию, нужны были очень весомые причины.

– А я буду с Глебом в Индии, – она мечтательно улыбнулась, – изучать древнеиндийский трактат, посвященный теме «Камы»*. Он позвал меня провести с ним отпуск.

– О, твой трудоголик решил отдохнуть? Или он туда едет в командировку, а тебя позвал с собой, чтобы совместить приятное с полезным? Обставить, как романтическое путешествие? – прищурившись, посмотрела на подругу, которая явно хотела показать, что у неё всё прекрасно. Но мы друг друга так давно знали, что настроение Даши я могла угадать по тому, как она поправляла прическу или вздёргивала подбородок кверху.

– Злая ты, – фыркнул она и нервно глотнула коньяк, уже не чокаясь

со мной. – Даже если в командировку, ну и что?

– Всё, всё! Сдаюсь, – я подняла руки вверх, видя, что подруга как-то болезненно отреагировала на мои слова. – Что с тобой,

дорогая? Что за нервы? Женские дни как минимум.

– Ничего, – буркнула Даша. – Я устала, Мира. Устала быть одна и рыть землю, доказывая себе, всему миру, что могу справиться со всем. Полностью отдалась работе, отодвинула всё личное даже не на второй план, а на десятый. Ты же знаешь, что Глеб первый, кого я допустила к себе после... ну, в общем... Я хочу попробовать изменить свою жизнь. Я достигла многого, но что в итоге? Я не чувствую себя счастливой. Больше нет желания стремиться к чему-то. Мои достижения в работе не дают чувства удовлетворения собой. Я – пустой сосуд, который нечем заполнить. Только ощущение

и ненужности. Ради чего?

Ради кого?

– Родная, и давно у тебя такое депрессивное настроение?

Я настороженно выслушала подругу. Мне совершенно не нравился её настрой. Оптимистка по жизни, сильная личность со стальным стержнем внутри, сейчас сдулась, как шарик, из которого наполовину выпустили воздух. Самым печальным было то, что я чувствовала себя аналогично. Я смотрела на Дашу и видела в ней себя. И это вызвало противоположный эффект. То чувство жалости к самой себе, которое преследовало меня в течении последних пару недель, резко

испарилось. В душе всколыхнулась злость на себя.

– Даша, прекрати самобичевание. Ты – прежде всего молодая успешная женщина, а говоришь о себе так, как будто бы жизнь окончена. Что тебе мешает определить новые приоритеты и найти то, что сделает тебя счастливой? Прекрати откладывать на потом свою мечту. Этого «потом» может и не быть. Посмотри на меня – я дооткладывалась. Думала, что всё стабильно в моей размеренной идеальной жизни с идеальными отношениями. Так что, подруга, бери своего Глеба в руки, ноги, закрутись с ним в самый немыслимый узел из пособия для взрослых по поиску «камь» и получай наслаждение от жизни здесь и сейчас.

– А ты, Мира? – спросила она, хитро улыбаясь. – Сама же спряталась

в ракушку, а даёшь советы.

Что ты думаешь делать?

– Это временное состояние. И, похоже, только что я получила пинок под зад, уча тебя жизни, – рассмеялась я. – Чувствую в себе силы встать с дивана и начать всё заново. Так что там за тема доклада? Вот я и проводила подругу вместе с её бойфрендом.

Попрощавшись с Дашей в аэропорту, поймала себя на мысли: а что,

если я больше никогда её не увижу? Странная мысль. Откуда она взялась? Наверное, сны навеяли, что в последнее время меня беспокоили.

Вот и результат переутомления.

Последние две недели до отъезда Дарьи мы готовили доклад. Точнее, базовый доклад был написан ею уже больше месяца назад, но я должна была презентовать проект не так, как будто бы вышла прочитать чей-то реферат, переписанный в перерыве на коленке между парами. Все должны понять, прочувствовать, что это мой доклад, и на возможные вопросы, а в том, что они будут, в первую очередь от конкурирующей фирмы Матвея Яланского, ни Даша, ни я не сомневались. На каверзные вопросы я должна была отвечать со знанием дела. Ведь это так типично – постараться поставить конкурента в тупик и выставить его некомпетентным в глазах публики.

На завтра у меня уже был приобретён билет, и я тоже улетала на международную конференцию фармацевтических компаний в Н-ск.

Согласно программе, конференция была запланирована на два полных дня. К тому же после первого дня предусматривалась развлекательная программа с банкетом. Естественно, это было обязательным мероприятием. Да у меня и мысли не было отсиживаться в номере. Я должна была достойно представить компанию Дарьи Соболевской. Подобные мероприятия и организовывались с целью завести нужные знакомства и спланировать дальнейшее сотрудничество с заинтересовавшими компаниями. Со мной ехал коммерческий директор Борис Моисеевич Гольдсман, так что я не чувствовала себя рыбёшкой, которую бросают в стаю пираний. Этот тёртый калач станет моим «серым кардиналом» на эти два дня. Как мне его отрекомендовала Даша, Борис Моисеевич – человек, который знает всё, и деловое чутье у него развито острее, чем нюх у ищейки. Уезжая, подруга дала мне наставления: обязательно познакомиться с представителем одной из ведущих компаний нашего рынка

– «Фармацевтика», принадлежащей олигарху Александру Давыдову.** Моя неугомонная Дашка долго сокрушалась, что на конференцию не приедет сын олигарха, Ярослав. Минус один холостяк. Свадьбу он сыграл недавно. Об этом во всех газетах сообщалось.

Я была уверена в докладе, своих знаниях, осталось только избавиться от поселившегося внутри чувства звенящей тревоги. Когда оно появилось?

Вот уже два дня, как мне снился один и тот же сон, после которого я просыпалась в холодном поту. Это был не кошмар с жуткими монстрами. Нет. Это было больше похоже на вязкую паутину,

затягивающую меня в густой влажный туман. Настолько плотный, что я в нём барахталась, как в киселе, и задыхалась. Он наполнял мои лёгкие при каждом вдохе, проникал в поры кожи, застилал глаза, сковывал мысли. Туман концентрировался во мне, словно замещая меня собой. Дважды мне удавалось из него выпутаться. Дважды я в ужасе просыпалась, тяжело дыша, как загнанный зверь, хрипя и кашляя, дрожа от охватившего меня изнутри морозного холода. И мне совсем не хотелось испытывать это вновь. Поэтому сегодняшней ночью я решила вообще не ложиться спать. Выплюсь в самолете, среди

людей. Рейс всё равно ранним утром.

Дел перед отъездом оставалось ещё достаточно много. Необходимо было собраться в дорогу но, повинувшись внутренней потребности, я решила навестить брата перед отъездом.

По пути к брату заскочила в магазин, купила маленькому Никитке вкусности и вертолёт на радиоуправлении и без предупреждения появилась

на пороге.

Ужин прошёл в нормальной «дружеской» атмосфере. Ада весь вечер пыталась меня достать, укусить побольнее, но я не поддавалась на провокации, игнорируя её и общаясь с братом и малышом. На прощание обнялась с Антоном, поцеловала Никитку в пухлые щёчки и на всякий случай Антону оставила ключи от своей квартиры, попросив заехать, полить цветы. Зачем я это сказала – не знаю. Уезжала ведь на два дня, а ощущение было, что прощаюсь навсегда. К чему это? Снова сны виноваты? Или предчувствие беды? Похоже, пора обратиться как минимум

к психологу.

Сборы в дорогу были обстоятельными. Гардероб был продуман до последней детали. Ничего лишнего. Даша перед отъездом оставила целый список ценных указаний от того, в чём быть одетой, до того, какими духами пользоваться. Меня позабавили её рассуждения, хотя логика в них присутствовала. Но я во всём полагалась только на свой собственный вкус, который меня никогда не подводил. И вот сейчас,

собирая чемодан, я рассматривала свои вечерние платья для неофициальной

части мероприятия, выбирая одно

– самое-самое.

Лучше маленького чёрного платья, которое придумала Коко Шанель в начале двадцатого века, никто ещё ничего не придумал. Эта модель платья на века и подойдёт для всех поколений модниц. Осталось подобрать украшения. Пожалуй, несколько ниток жемчуга и серёжки с крупными жемчужинами будут идеальным дополнением образа. Замшевые туфли на устойчивом высоком каблуке без украшений. Небольшая сумочка-клатч. На плечи – тонкий невесомый шерстяной

палантин. И образ будет завершён.

Особенно тщательно подошла к выбору той части гардероба, которую так просто и не увидишь. Но в которой чувствуешь себя королевой, если она идеально подобрана. Бельё и чулки. Они всегда должны быть идеальными, даже если ты просто вышла в магазин за хлебом, так меня учила мама. А то вдруг тебе по пути встретиться любовь всей твоей жизни, а ты в панталонах с начёсом. Когда мама это рассказывала, то была абсолютно серьёзна, даже ссылалась на троюродную бабушку Машу, которая так упустила своё счастье. Забавно, если она его упустила, то откуда знала, что это именно её счастье было? Хотя бабушка Маша так замуж и не вышла. Видимо, упустила таки...

Выбор гардероба было завершён. Осталось самое важное – доклад и презентация. Два экземпляра в бумажном варианте, плюс на ноутбуке, флешке и облаке в электронном виде. Лучше больше, чем остаться без доклада.

Придирчиво осмотрела собранные вещи и решила, что в ручную кладь положу распечатанные документы, чтобы, тьфу-тьфу, по дереву постучать,

они никуда не делись и не испортились.

Билеты на самолет были у моего попутчика – всезнающего и вездесущего Бориса Гольцмана. Номера в отеле зарезервировали заранее. Документы, загранпаспорт, деньги, карточки. Кажется, всё!

Заказала такси на три утра, за два часа до отлёта. И решила в оставшееся время почитать доклад, чтобы не уснуть и не мучиться новым кошмаром. Благо нервное возбуждение перед дорогой отогнало весь сон. И я с удовольствием погрузилась в текст, заведя дополнительно будильник на два сорок. Мало ли что, вдруг всё же засну. Не заснула.

Всё прошло по моему плану. Сонный предрассветный город избавил от пробок, и я без приключений добралась в аэропорт. Чтобы скоротать оставшееся время, устроилась в кафе выпить свой любимый кофе с молоком без сахара. И почитать книгу с замысловатым сюжетом о безумной любви двух демонов и перемещениях между нашим миром и миром, где правят демоны – Эосом. Иногда хочется отвлечься от реальности и окунуться в сказку. Хорошо, что это только выдумка автора. Не хотела бы я оказаться в роли попавшей в другой непривычный

другие правила и законы!

* Кама или Камадева («любовь», «чувственное влечение») – бог любви

в индуизме.

Глава 4. Не так страшна научная конференция, как внимание бывших

Для проведения конференции было выбрано живописное и удалённое от цивилизации место, чтобы поощрить атмосферу неформального общения после основной части мероприятия.

Территория парковой зоны была огромной и простиралась от отельного комплекса к озеру с пристанью. В преддверии Хэллоуина всё было украшено яркими оранжевыми фонариками, тыквами со свечками внутри, осенними яркими букетами и венками на каждой двери. В воздухе витали ароматы корицы, яблочных пирогов и пряного глинтвейна. Зайдя в свой номер, ничуть не удивилась обилию свечей, выставленных возле зеркала, и летучим мышкам, гирляндой развешенным на окне. На прикроватной тумбочке стояла глянцевая карточка с приглашением на вечерний праздник. Так совпало или специально было задумано организаторами, но конференция началась тридцать первого октября, в канун Дня всех святых, Хэллоуин.

Атмосфера во время пленарной части международной научной конференции «Фармация. Взгляд в будущее» была доброжелательной. Программа выступлений по-деловому собранной, незатянутой. Чувствовалась увлеченность выступающих, которые отстаивали свои темы

с хваткой бульдога.

Мой доклад стоял в программе второй половины дня. Я впервые участвовала в подобной масштабной конференции такого высокого уровня, и, естественно, присутствовал лёгкий мандраж. К тому же участников рассадили в сектора в зависимости от представляемой страны. Закономерно, что моими соседями оказались Матвей Яланский, Алексей, теперь уже не мой, и его новая пассия Алина Яланская, сестра Матвея.

Алину я знала с университета, она училась на два курса младше нас. В то время мы с Матвеем были парой. Но общение с его сестрой ограничивалось общими фразами, мне она казалась пустой и взбалмошной. Возможно, тогда она была ещё слишком молода, и в ней бурлил дух авантюризма. Матвей вечно вытаскивал её из различных

передраг. Мы не раз пересекались с Алиной на совместных вечеринках до тех пор, пока я окончательно не ограничила своё общение с Матвеем

после того случая с Дашкой.

М-да, а ведь я любила его. Очень. Он был моим первым мужчиной. Наши отношения длились с первого по четвертый курс, пока мы не расстались. Совершенно банально. Я застучала его с какой-то первокурсницей, случайно вернувшись за забытым паспортом в нашу съемную квартиру раньше обычного.

Всё было, как в дешёвом бульварном романе. Нет, истерик я не

устраивала. Забрала документ и ушла домой, к маме с Антошкой. Какое-то время не могла жить сама. Слишком больно было от предательства. А месяца через три стала встречаться с Алексеем, чтобы прекратить притязания Матвея на меня и бесконечные стычки с ним, которые мешали мне нормально учиться. Это произошло незадолго до того случая с Дашкой в новогоднюю ночь.

Подруга была безумно влюблена в Матвея. Я это знала. Но что поделаешь
– сердцу не прикажешь.

Пока мы с ним были вместе, Даша не предпринимала никаких попыток для сближения. Ну, а раз мы расстались, решила попытаться счастья.

Любил ли он меня? Года три мы жили друг другом, а потом что-то изменилось. Только пока мы не расстались, я этого не замечала. Продолжала любить за двоих.

В ту новогоднюю ночь Матвей был пьян и зол на мой очередной отказ помириться, а Даша попала под горячую руку, совершенно не думая о последствиях. Он выместил на ней своё зло. Причинил боль. Такую, как хотел принести мне. Вот такой мексиканский сериал.

Итог: у Даши психологическая травма на долгие годы и боязнь отношений
с мужчинами, я же возненавидела Матвея.

Любила ли я Алексея тогда, когда дала ему согласие встречаться? Нет. Мне на тот момент нужен был громоотвод. Тот, кто оградит меня от притязаний бывшего. Ну а потом появилась привязанность и привычка, и, наверное, мне с Лешей было достаточно комфортно. Настолько, что я решила, – этого достаточно, чтобы назвать словом «любовь». И сама же поверила в неё.

Я присела на последнее кресло в ряду, пропустив Бориса Моисеевича, чтобы он отсёк меня от моих знакомых. Меня хватало лишь на то, чтобы вежливо поздороваться. Благо что никто не

собирался заводить разговор, поскольку объявили об открытии первой части мероприятия.

Конференция была увлекательной. Все доклады современны. И хотя компании представляли свои разработки, как некий прорыв, все они в конечном итоге переплетались. Ведь в основном исследования были направлены на актуальные для медицинского рынка области: кардиология, бесплодие, индустрия красоты. Девяносто процентов докладов были посвящены этим темам.

На фоне увлекательных выступлений день пролетел незаметно. Мой

доклад также отзывался достойно. На удивление, никто из предполагаемых оппонентов вопросы не задавал. Было лишь пару вопросов от немцев и от китайцев. Всё закончилось, я даже испугаться не успела и довольная вернулась на место. Борис Моисеевич уважительно тронул меня за локоток и одобрительно улыбнулся.

– Вы справились, Мирочка, – шепнул он и по-дружески похлопал по руке. – Теперь Дарья Игоревна может посылать вас вместо себя на всякие симпозиумы, а то ей вечно времени не хватает.

– Борис Моисеевич, вы не слишком усердствуйте, нахваливая меня, когда будете отчитываться перед руководством. Я не слишком люблю

выступать перед аудиторией, – призналась ему в ответ.

– Привыкнете, Мирочка. Я же буду с вами. Слушайте, что я вам говорю: держитесь Гольцмана и всё у вас получится! Будете щёлкать доклады, как семечки.

Итак, первый пленарный день объявили закрытым, перерыв до десяти часов утра завтрашнего дня. Всем было дано время на отдых. Далее прозвучало приглашение в банкетный зал к семи вечера. Гостей предупредили о необходимости наличия верхней одежды, так как после банкета планировалось проведение многих мероприятий на улице.

Время, отведённое на отдых, я провела, нежась под струями горячей воды в душе, а после валяясь на кровати, завернувшись в тёплый банный халат. Даже задремала минут на двадцать и была выдернута из сна стуком в дверь. С Борисом Моисеевичем мы договорились встретиться уже в обеденном зале. Я никого не ждала.

Кому я понадобилась?

За дверь оказался Алексей.

– Можно? – спросил он и, не дожидаясь моего согласия, сделал шаг

в номер.

– Зачем ты пришёл? – совсем не гостеприимно спросила. Насупившись, смотрела на мужчину, продолжая стоять у открытых дверей. Руки переплела на груди, отгораживаясь от неожиданного и нежеланного гостя. Его визит раздражал. Я не видела в нём смысла.

– Поздравить тебя с прекрасным докладом, – Алексей улыбнулся как-то покровительственно. – Вот видишь, а ты не хотела уходить из своей поликлиники. Мне пришлось пойти на крайние меры, ради тебя, между прочим!

– Ради меня... – повторила за ним, поражаясь такой постановке

вопроса. – Так ты меня так облагодетельствовал? Решил уму-разуму поучить?

Мужчина подошёл ко мне совсем близко и захлопнул входную дверь.

– Ми-и-ра, – растягивая гласную назвал моё имя. При этом интимно провёл рукой по пряди волос у моего лица, которые после душа

я ещё не собрала в причёску. – Я скучал.

Вальяжность из его жеста исчезла в мгновение. Он резко притянул меня к себе за талию. В первый момент я даже не осознала, что происходит. Стоило сообразить, как я тут же попыталась оттолкнуть его, одновременно с этим ощутив прикосновение горячих губ, мазнувших по скуле и уголку губ.

– Лёша, прекрати! Ты сам этого захотел. Назад дороги назад! – я с силой упёрлась ему в грудь двумя руками, отталкивая от себя.

– Ты никогда меня не любила! – вдруг выпалил Алексей, зло сверкнув глазами. – Признайся в этом и не строй из себя оскорблённую невинность! Ты назло Матвею стала встречаться со мной,

потому что он тебя бросил. А я любил тебя всё это время.

После стольких лет совместной жизни он впервые высказался о наболевшем. Я даже ощутила укол вины. В чём-то мой бывший мужчина был прав. Признавать это было неприятно. С другой стороны, так было в самом начале наших отношений, но потом я же его полюбила. Не так пылко, как Матвея, но всё же. И если отношения с Матвеем можно было сравнить с огнём, то отношения с Алексеем – с водой.

– Лёша, почему ты решил заняться выяснением отношений именно сейчас, когда мы расстались и у тебя уже есть другая женщина? Алина и ты – замечательный тандем. Наслаждайся своим выбором. Что же касается твоих упрёков. Ты прав в одном. Я не сразу полюбила тебя. Но восемь лет совместной жизни оставили глубокий след в душе. И если бы ты меня действительно любил всё это время...

– я сделала акцент на последних словах,

– то сейчас мы делили бы этот номер на двоих. Но в действительности это было не так. Тебе меня оказалось мало. Я приняла это. Точно также, как когда-то я ушла от Матвея после его измены, я бы ушла от тебя, узнав о твоём романе с Алиной. Но ты, спасибо тебе, всё сделал сам. А теперь иди. Мне нужно собираться. За мной сейчас зайдёт коллега.

Алексей медлил, не спешил уходить. Смотрел, прищурив глаза.

Злился. Но руки больше не протягивал. Сжимал их в кулаки.

– Матвею ты интересна до сих пор, имей это ввиду, – сказал он резко вместо прощания и стремительно вышел, громко хлопнув дверью.

Фу ты, ну ты, и что мне теперь делать с этим знанием? Мне-то Матвей не интересен. Чем дальше, тем запутанней. Двое моих бывших, которые сами же мне изменили, имеют ко мне интерес. Бред какой-то. С этими мыслями стала собираться на банкет. Время уже поджимало.

Глава 5. Добыча не хищника - шакала.

Стоило мне войти в банкетный зал, как под руку меня подхватил мой коллега. Борис Моисеевич, проникновенно заглядывая в глаза, склонился ко мне и доверительно проговорил с типично одесским говором:

– Мирочка, вы выглядите на все сто. Мы сегодня на вас будем ловить
большую рыбу. Комплимент от Гольдмана был сомнительным.

– Борис Моисеевич, такие планы у вас грандиозные. Только не пойму, я в ваших глазах червяк или мотыль? Ни то, ни иное меня не устраивает.

– Что вы, Мирочка, вы – лакомый кусочек!

И столько искренности во взгляде, что я не удержалась и негромко рассмеялась.

– Хорошо. Ведите меня в этот бушующий океан. Только не дайте
большим
рыбам проглотить меня сразу.

– Пфф, – мужчина пренебрежительно фыркнул, – мы ещё
вместе
обглодаем их косточки.

Борис Моисеевич предложил мне локоть и, стоило за него взяться, как мужчина с напором буксира повёл меня ту сторону, где стояла китайская
делегация.

Общение происходило на английском языке. Мой уровень владения этим иностранным языком был средним, разговорная речь. Хорошо, что сейчас никто не обсуждал профессиональные вопросы, а то я могла бы сесть в лужу. А так премило общалась с китайскими товарищами, к которым через несколько минут присоединилась

немецкая делегация.

Распорядитель неофициальной части конференции пригласил всех за столы. Мои собеседники вежливо пригласили меня разделить с ними праздничный ужин и украсить своим присутствием мужское общество.

Борис Моисеевич слегка подтолкнул мой локоть в сторону китайцев. Ага, значит, для компании выгоднее их общество. Я уже открыла рот, чтобы принести извинения немцам, как затылком

ощутила чьё-то присутствие. Инстинктивно обернулась, наткнувшись на внимательный взгляд тёмно-карих глаз Матвея. Яланский выглядел идеально. Элегантен и вальяжен, одет с иголки. Короткие жёсткие чёрные волосы немного топорщились. Чёткая линия подбородка, гладко выбритое лицо и средней полноты губы, растянутые в искренней улыбке. Всё так же хорош собой. Ничуть не потерял форму

– подтянут и силён. Такой себе хищник на отдыхе.

Мужчина мягкой поступью подошёл ближе к нашей группе, поздоровался. Было заметно, что он знаком с моими собеседниками. Не развивая дальнейшего диалога, он лишь сказал:

– Предлагаю объединиться за общим столом. Тем более, что госпожа Рождественская уже пообещала составить мне компанию, – повернул

он ко мне голову, ловя мой взгляд.

Это прозвучало, как утверждение. Блеф чистой воды, но очень удачный. Понимает ведь, что скандалить и выяснять отношения при посторонних не стану. С трудом не скривилась. Заставила себя ответить коротким кивком согласия.

Китайцы с немцами заулыбались и закивали головами, радуясь такому обстоятельству. Я же только скользнула взглядом по лицу Матвея,

недовольно поджав губы.

– Господин Яланский, вы, как всегда, прекрасно урегулируете любую ситуацию, – произнёс темноволосый немец, довольно усмехаясь

в модную бороду.

Мужчины стали продвигаться к самому большому столу. А я притормозила, чтобы пояснить этому нахрапистому хаму, что я обо всём этом думаю. И где я его вижу в ближайшее время. Но Матвей, естественно, понял мой манёвр и обратился к моему попутчику:

– Борис Моисеевич, как же давненько мы с вами вот так, по-простому, не сидели за рюмкой коньяка, да ещё в компании такой очаровательной женщины. Мира Андреевна – украшение

сегодняшнего вечера, – белозубой и такой искренней улыбке Яланского мог позавидовать любой артист. Так играть ещё уметь нужно! А у меня уже челюсть свело от того, как сильно я сцепила зубы.

– Матвей Константинович, вы правы. У меня сегодня очаровательная спутница, и был бы я на десяток лет моложе, эх... – улыбнулся мне Гольдман, подводя к выбранному столу, и, не дав мне и

слова сказать, продолжил: – Если позволите, Мирочка, я оставлю вас на попечение этого молодого человека, а сам отойду во-о-он к тому столу. Там шведы. Пойду прощурую почву.

И, откланявшись, ушёл. Как бы мне не хотелось находиться в компании Яланского, но пришлось остаться здесь и присесть рядом с Матвеем, который был сама предупредительность и внимание. Подобное обходительное поведение лишь ещё больше обострило мою подозрительность. А с учётом последних слов Алексея моя тревога усилилась раз в десять.

Банкет шёл своим чередом. Собравшиеся за столом ужинали, общались. Я по мере возможности участвовала в разговоре. От близкого присутствия Яланского кусок в горло не лез. А ещё жутко выбешивали его «случайные» прикосновения: то рукой зацепит, то бедром, то вина нальёт, то подаст лакомый кусочек из тех блюд, что я люблю. О моих предпочтениях осведомлён, вот и старается угодить. И весь такой – сама любезность. И в чём его профит?

Досуг присутствующих скрашивали приглашённые артисты, выступающие на небольшой сцене. Сольный номер саксофониста сменился танцевальным номером в классическом стиле, после которого девушки спорхнули со сцены и разбрелись по залу, приглашая мужчин на медленный танец. Ну а мужчины в зале за столами стали приглашать женщин

– участниц конференции, кои были в меньшинстве. Стоило мне подумать, что и меня сейчас кто-то захочет ангажировать, как рядом прозвучало приглашение:

– Мира Андреевна, разрешите пригласить вас на этот вальс, – Матвей поднялся из-за стола и, заложив руку за спину, галантно склонился передо мной в поклоне, в лучших традициях светского общества. Отказать не было причины. Сослаться на то, что не танцую,

– тоже не вариант. Если откажу Яланскому, то не смогу больше потанцевать

ни с кем из присутствующих.

Шах и мат. Браво, Матвей!

Чёрт с ним. Ну не съест же он меня во время танца. Во всём нужно искать плюсы. Танцевать я люблю, а Матвей был великолепным партнёром. Так что не откажу себе в этом удовольствии. Станцую. Это я так сама себя успокаивала.

– Что же, пойдёте, господин Яланский, – официально ответила мужчине

и протянула руку.

«Ох, пожалею!» – кричала интуиция. Но выхода я не видела.

Похоже, Борис Моисеевич рассчитал всё, как следовало. Вот только меня полностью не посвятил в значение роли «наживки». Неправильно я его поняла. Наживка для большой рыбы сработала. Но забросил её Борис Моисеевич нашему конкуренту – Яланскому, чтобы я того отвлекала. А сам господин Гольдман тем временем уже договаривался о сотрудничестве с участниками конференции, которые действительно

были интересны для «МЕД-Инко».

Венский вальс закружил нас и всколыхнул воспоминания. Мне всегда нравилось танцевать с Матвеем. Казалось, что когда я с ним танцую, у меня вырастают крылья и я лёгким пёрышком кружусь вокруг мужчины в его сильных руках. Рядом с ним я чувствовала себя женщиной.

Опасное воспоминание, учитывая, чем всё закончилось.

Возврата к прошлому быть не может. Как бы банально не звучало, но разбитая чашка никогда не станет целой.

Танец всё длился. Близость этого мужчины стала будоражить кровь. Касания, незаметные для окружающих, но очень чувствительные для моего тела – напряжённого, ожидающего подвоха. Пальцы Матвея немного спустились с талии пониже, на поясницу, и выписывали там узоры. Моя правая рука, зажатая крепкой хваткой мужчины, никак не могла высвободиться. Неотрывный взгляд почти чёрных глаз мужчины вносил ещё большее беспокойство.

Не танец в удовольствие, а ад. Мелодия всё длилась и длилась, мои мучения не прекращались, а всё больше трансформировались в чувственное желание. Даже дыхание участилось вовсе не от скорости в танце, а от восприятия Яланского, как привлекательного мужчины.

Низ

живота наполнился знакомой приятной тяжестью,

губы пересохли,

и я то и дело их облизывала. Для полноты картины не хватало только застонать.

И вот когда я уже захотела вырваться из этого капкана, мелодия прервалась и в зале раздались аплодисменты танцующим парам. Стоило мне отвести взгляд от Матвея, как я ощутила его горячие губы у себя на шее и шёпот:

– Ты всё так же прекрасно танцуешь, мой свет.

От интимного прикосновения и его низкого бархатного голоса мне

на ухо внутри всё сжалось от желания. Я выдохнула и, не отвечая на провокационную

фразу, быстро направилась в дамскую комнату.

Лицо пылало. В душе была сумятица. Мне следовало привести в порядок нахлынувшие чувства. Остыть. Пальцы мелко подрагивали, сердце то билось быстрее, то пропускало удар, зрачки расширены. Что со мной?

Такая реакция на мужчину, к которому у меня давно не было тёплых

чувств, была ненормальной. Эта близость с ним во время танца странно на меня повлияла. Его прикосновения, дыхание возле уха, лёгкий, почти незаметный, поцелуй в шею, вызвали недвусмысленное желание. Я хотела Матвея сейчас. Так сильно, что готова была целенаправленно выйти в зал, ухватить его за руку и потянуть к себе в номер. Неудовлетворённое желание на грани боли.

Единственное, что меня сдерживало, так это то, что разум мне пока

не отказывал. Со мной происходили непонятные вещи.

Возвращаться в зал я не стала. Там Матвей. В таком состоянии я за себя не ручалась. Холодная вода немного успокаивала, но не просидишь же весь вечер в туалете, и я решила выйти на свежий воздух.

Накинула своё пальто и выскользнула в боковую дверь зала, направляясь вглубь парка по мощёной дорожке. Старалась не думать о Матвее, о своём желании, а просто медленно считала до ста, по мере сил любуясь убранством ухоженного парка, фонариками-тыквами, разноцветными нитями гирлянд. Всем, что могло отвлечь от взбунтовавшегося организма.

Музыка была слышна и здесь, как и смех членов научной конференции. Вероятно, ведущий рассказывал какую-то смешную историю. Но слов было не разобрать. По мере удаления от здания отеля другие люди мне не встречались.

Я всё больше удалялась вглубь парка, ближе к озеру. Продолжала считать. На пятидесятом счёте желание никуда не делось. И мыслями я вернулась к нашему с Яланским танцу. Я смела надеяться, что разложив покадрово события вечера, пойму, что со мной произошло, и в чём причина моего такого взбудораженного состояния. За спиной раздался хруст ветки. Я резко обернулась. За мной стоял Матвей в расстёгнутом пальто, небрежно заложив руки в карманы брюк, и с интересом рассматривал меня, чуть склонив голову к плечу и улыбаясь уголками

губ.

– Мира, ты опять от меня сбежала, – сказал он, наступая на меня

и протягивая ко мне руку.

– Чем ты меня опоил? – эта мысль чётко сформировалась в затуманенном мозгу. Его присутствие с новой силой вызвало волну желаний. Я еле сдерживала себя, чтобы не броситься его целовать. Ну, не только целовать...

– Умная. Я знал, что ты сделаешь правильный вывод, – сказал он, отдёргнув от меня руку.

– Я ещё понаблюдаю, как наш новый экспериментальный препарат на тебя подействует. Ты знаешь, мы уже провели испытание на животных и клинические испытания на людях. Препарат скоро появится на аптечных полках, – он раскатисто засмеялся, резко при этом схватив меня за руку и притягивая к себе. – Только есть ограничение по дозе. Иначе желание становится непреодолимым, пока подходящий

объект не поможет от него избавиться.

– Какой же ты всё-таки подлец! – задёргалась в крепких объятиях. – Ты не тот объект, которого бы я желала. Не лъсти себе. Это всего лишь физиология, – с трудом смогла выдавить из себя эти фразы, потому что взгляд постоянно перемещался на его такие манящие губы. Мои же горели огнём, усмирить который мог только поцелуй. От этого было противно.

– Я в тебе не сомневался, хорошая моя, такая правильная Мира,

– произнёс Матвей, немного растягивая слова и наклоняясь всё ближе ко

мне.

– Сволочь, – выкрикнула я и что было силы толкнула его, а сама развернулась, чтоб убежать прочь.

За спиной раздался смех.

– Беги, моя добыча, беги. Ты будишь во мне инстинкты охотника,

– крикнул он мне вслед.

Я бежала с такой скоростью, насколько мне позволяли высокие каблуки, цепляясь за ветки то волосами, то лапами пальто. Стараясь не оглядываться. Мне слышались шаги Яланского позади, но он не спешил меня хватать. Спокойно преследовал. Выжидал, пока я выдохнусь и остановлюсь. Я в зале сравнила его с хищником? Нет. Это не хищник. Шакал!

Небо внезапно осветилось вспышками праздничных фейерверков, разлетающимися цветными шарами по небосклону. Это отвлекло моё

внимание. Я не заметила, как вокруг стал сгущаться туман, тянувшийся с озера. Он поднимался вокруг меня, обхватывал, уплотнялся.

Клубы тумана, словно руки, тянулись ко мне. Матвей нагнал меня, но остановился в шаге, ошарашенно озираясь по сторонам и отмахиваясь от молочных клубов. Он выглядел испуганным, но не мог сдвинуться

с места, так же, как и я, окутанная этим странным туманом, который впивался под кожу, окружал меня, замещал воздух в лёгких, застилал глаза.

Призрачные руки тянулись ко мне, цеплялись за одежду, поднимаясь всё выше. Хватали за волосы. Всё, как в моих снах. Но сейчас это был не сон. Я в ужасе оцепенела. Не могла произнести ни звука, только в немом крике раскрыла рот, в который тут же, как змей, ворвался жгут, сплетённый из белой дымки. Я погрузилась в это невесомое нечто, падая вверх. Странно звучит, но именно так это ощущалось. Матвея от меня отсекла плотная завеса, и я не знала, что с ним. Охватил ли его такой же туман или эта аномалия поглотила только меня.

Глава 6. Призыв

Сначала, пока я сопротивлялась и полностью не была поглощена этой туманной субстанцией, мне было безумно страшно. Когда же я упала или взлетела – точно дать определение затрудняюсь – страх отступил. Появилось волнение, которое обычно бывает перед неизвестностью.

Тем временем туман, захлестнувший меня, стал уплотняться, создавая вокруг плотную оболочку, в которой я неслась вне времени и пространства. Не было ничего, за что могли зацепиться мои органы чувств. Но и ощущение движения ушло. Не осталось чувств. Я перестала ощущать себя человеком, состоящим из мышц и костей, не было

ни запахов, ни звуков, ни мыслей, ни даже пустоты.

Я сама стала этим туманом, распавшись физическим телом на атомы и оставив в центре этого кокона эфирную субстанцию – мою суть. Моя душа сейчас была этим невесомым клубком света.

Сколько длилось это состояние – не знаю. Всё вновь стало меняться, возвращая меня или, правильнее сказать, возрождая меня заново. Собирая из расплывённого состояния.

Вместе с обретением физической формы я стала улавливать звуки. Сначала это был низкочастотный гул, который преобразовывался, притягивая меня к себе. И вот я стала различать в

ЭТОМ
невразумительном шуме уже внятные звуки, которые сплетались в вязь слов, значение которых мне было непонятно. Но и эта фаза прошла, и я поняла, что несколько человек нараспев читают слова призыва. Кого они призывают? Меня?

Мой кокон стал терять свою плотность, позволяя этим голосам всё больше проникать в моё сознание. Я уже полностью приобрела физическое тело, так что смогла шевельнуть рукой и поднести её к глазам, которые были открыты, но за плотной туманной дымкой даже на расстоянии нескольких сантиметров ничего не было видно. Постепенно возвращались чувства. Страх больше не было. Состояние абсолютного

покоя – вот с чего началось моё
возрождение.

Из ровного звучания голосов... мужских голосов особенно выделялся один. Он был сильнее остальных, властнее, он не просил, а приказывал явиться к нему. Кого он зовёт? Появился интерес, и я всем существом потянулась к владельцу сильного голоса. С любопытством вслушивалась в поначалу непонятные слова, которые постепенно стали приобретать смысл. Голос мужчины вырвался из общего хора и позвал того, в ком есть мощь и сила стихий. Он призывал... сразиться с ним.

На последних словах я расслабилась, до этого не замечая, что была натянута, как струна, влекомая голосом призывающего и старающаяся понять смысл его приказа. Значит, звали не меня. Вдохнула совсем уже по-человечески. И ощутила, что больше никуда не движусь.

Мой кокон, который я уже стала воспринимать, как свою защиту, предательски раскрылся, выталкивая меня из себя. И я задохнулась от горько-дымного воздуха, который впервые вдохнула после своего возрождения. Как новорождённый, сделав первый вдох, начинает плакать, так и я, вдохнув, больно закашлялась до слёз и спазмов в груди.

Голоса стихли. В наступившей звенящей тишине раздавалось только моё хриплое дыхание, которое постепенно успокаивалось. Пора было осмотреться. Куда меня занесло таким необычным способом?

Перекатившись набок, приподнялась и поняла, что сижу на каменном полу. Впрочем, каменным здесь было всё. Вокруг меня стояли трое мужчин в длинных чёрных балахонах в пол и в масках, скрывающих их лица. Чёрт побери! Что это за «Ку-клукс-клановцы»? Все трое стояли в напряжённых позах и держали в руках тросточки, направленные на меня, словно оружие против опасного преступника.

– Где я? – мой голос прозвучал звонко, оглушая саму себя. Я болезненно застонала и прикрыла уши руками, чтобы уменьшить отзвук эха, зазвучавшего после моих слов.

Каменный мешок, в который я попала, был похож на старый подвал замка или винный погреб, только без бочек. С низким сводчатым потолком, без окон и четырьмя массивными колоннами. Несколько заторможенно скользнула по фигурам в балахонах с тростями в руках, и перевела взгляд ниже, на пол. Оказывается, я сидела в центре нарисованной шестиугольной звезды, на лучах

которой стояло по три толстых, оплывших почти до конца свечи, две из которых, видимо, уже сгорели раньше. Третьи догорали сейчас. Зеленоватые огоньки высоко вытянулись вверх и чуть заметно колебались, выпуская горьковатополынный дымок, от которого немилосердно першило в горле. Дыма в помещении добавляли факелы в кованых держателях, закреплённых на каменных колонах, за спинами мужчин. Неровный свет от этого источника света подрагивал, искажая тени, которые шевелились, как живые.

Сидеть на каменном полу было холодно и неудобно, да и в целом я чувствовала неловкость от своего положения. Внизу, у ног мужчин. В положении

слабого. Ситуация мне не нравилась.

Я неизвестно где, неведомо, как сюда попала. «Туман затянул» – это не то объяснение, которое позволило бы понять суть происходящего в закрытом помещении с тремя мужиками с непонятными намерениями... Вот последнее было самым интересным. Учитывая напряжённые, несколько агрессивные позы, эти трое в балахонах меня остерегались.

То, что я не паниковала, а смотрела как бы со стороны на происходящее, можно было объяснить только воздействием на мой разум того самого тумана или побочным действием экспериментального препарата...

Матвей! Тут же вспомнила события, предшествовавшие аномальному перемещению. Быстро оглянулась по сторонам. Но Яланского не увидела. И тут в голову пришла мысль: «А что, если это выверты моего сознания вследствие употребления неизвестного лекарственного вещества? И я сейчас валяюсь без сознания, а может быть, и в коме и мне всё это кажется? Или пары тумана были ядовитыми и вызвали галлюцинации?» И тут моя «галлюцинация» заговорила, точнее, один мужчина спросил другого:

– Ал, ты уверен, что она – это вместилище силы? – в его голосе

сквозило недоверчивое удивление.

– Не надо имён! – резко и зло отозвался тот, кого называли Алом.

– Призывное заклинание было точным. Из древнего манускрипта. Или

ты сомневаешься в моих способностях?

– Но она пустая! – взвился третий и совсем неприлично тыкнул

В

показал. мою сторону своей тростью. Словно пальцем

«Чего это я пустая? – мысленно возмутилась, но пока промолчала, наблюдая за враждебно настроенными мужчинами. – У

меня высшее образование за плечами, с красным дипломом. Опыт работы и высшую категорию врача я получила не за кусок сала!»

– Сам вижу, – раздражённо гаркнул Ал в ответ.

– И что будем делать? – спросил первый с непередаваемой смесью надежды и разочарования.

Молчать больше не видела смысла. Всё-таки решалась моя судьба. Если я правильно поняла, то эти в балахонах сделали что-то неправильно, а теперь не знают, как быть дальше. Нужно было заявить о себе, а то ещё порешат меня в этом каменном мешке, приняв за неразумное существо.

– Господа, минуточку внимания, – вклинилась в экспрессивный диалог моей недогаллюцинации. – Если вы с чем-то там ошиблись, то предлагаю вернуть меня назад. Читайте, что вы там читали, снова, вызывайте свой туман и возвращайте меня домой. У меня завтра второй день научной конференции!

При этом я стала подниматься на ноги, по ходу отмечая, что туман полностью восстановил мою одежду. Абсолютно всю, до последней нитки, которая торчала хвостиком из пуговицы пальто на рукаве.

Снова мелькнула мысль: «Может, я всё же в коме и могу нафантазировать что угодно?!» Наверное, это был бы лучший вариант, чем тот, который сейчас долбился в сознании: «Я попала! Попала!». Только куда?

Мужчины замолчали и уставились на меня прорезями в масках.

– Она не магесса. Она – простой человек, – выдохнув, сказал первый. – Почему же поисковик её захватил?

– Возможно, она была рядом с тем, кто нам нужен. Гремлин её подери! Теперь придётся снова ждать десять лет, – выругался Ал. – Эй, ты, кто был рядом с тобой, когда тебя забрал туман?

Пренебрежительно-хамский тон Ала меня возмутил. Разве можно так

разговаривать с дамой?

– Ничего себе, а с виду приличные мужчины. Вас никто не учил, как нужно обращаться к женщине? – какая-то хамская «галлюцинация». Не порядок. Почему мне так не везёт на мужской пол?

– Гм, гм, она забавная, – засмеялся второй. – Ну, если вам так будет угодно, леди, – шутовски поклонился он на слове «леди», – ответьте, кто был рядом с вами, когда вас забрал поисковик?

Насмешка была чётко слышна в его интонации, но я ответила, вовремя

сдержав себя от грубости.

– Был один охотник-экспериментатор. Очень бы вписался в вашу компанию. Такой же ха... харизматичный. И что дальше? Когда вы исправите свою ошибку и вернёте меня?

– А кто сказал, что мы будем что-то исправлять? – прозвучал ироничный вопрос из уст их главного.

Учитывая, что среди тройки в балахонах Ал пользовался авторитетом, мне это не нравилось. К тому же, видимо, успокоительное действие тумана закончилось, потому что я стала более адекватно оценивать происходящее и, соответственно, переживать.

Меня не оставляло чувство, что я сейчас играю сцену в пьесе с очень плохим финалом. Все мои органы чувств восстановились, и даже больше, происходящее воспринималось острее. Наконец-то включился инстинкт самосохранения. И я реально осознала, что трое стоящих передо мной несут для меня угрозу. Угрозу моей жизни.

– Вы не ответили на мой вопрос. Что ж, ответьте на более простой: где я сейчас нахожусь?

– задала его, чтобы было время придумать, что предпринять дальше и как выкрутиться из этой ситуации. – В какой части земного шара?

– Земного шара? – недоумённо переспросил второй, игнорируя первую

часть вопроса.

– Ну да, планета Земля. Земной шар. Так где находится ваш замок?

– почему я заговорила о

нашей планете – не знаю.

Фантастичность произошедшего говорила в пользу того, что я не на старушке Земле, но я вполне понимала речь мужчин, да и выглядели они обычно. Хотя, что там под плащами и масками... Вдруг они все в чешуе и с хвостами. Но рогов на голове не было, наростов всяких не

наблюдалось. Волосы обычные. У главного цвет волос был, как у меня, у двух других – обычные шатены.

– Леди, вы сейчас находитесь на Зоураке, и наш мир в целом называется Магея. Так значит, вы из другого мира. Неожиданно, – протянул второй и повернулся к Алу. – Так вот почему три дня пришлось подпитывать поисковик заклинаниями. Слишком большое расстояние.

Интересно.

– Скажите, а у вас много сильных магов? – спросил первый с явным любопытством.

Я задумалась над этим вопросом. Собственно говоря, звучал он дико. Маги на Земле? Откуда? Но если я не под действием препарата Яланского, а действительно оказалась в чужом мире? Да ну, нет, это бред! Меня разыгрывают? Мои бывшие всё это устроили?

Подыграть, что ли? Как лучше ответить? Что выгоднее: сказать, что магии на Земле не существует или соврать и расписать, что там полно сильнейших магов? Вот, чёрт, угораздило попасть! Я, взрослый разумный человек с жизненным опытом, сейчас вполне серьёзно должна рассказывать о магах из сказок! А ведь я собиралась к психологу на консультацию. Нет, тут клиника – пора к психиатру! “Хех”, – выдохнула, приняв решение.

– Встречаются, – сказала и словно вступила на минное поле. – Разные. Вот недавно была битва двух великих магов: Гарри Поттера и Волан-де-Морта. Победил юный Гарри Поттер.*

(*прим. автора: героиня упоминает персонажей книг писательницы

Джоан Роулинг)

Трое мужчин переглянулись между собой. Надежды на то, что происходящее мне снится, оставалось всё меньше. Внутри всё болезненно сжалось от страха. Я не представляла, что делать дальше и как вернуться домой без их обратного заклятия или как это правильно называется.

– А у вас есть сильные маги? Или так, только любители, как вы?

– иногда моя внутренняя язва мешает мне жить. Вот сейчас был именно тот случай.

– Есть сильные, – сквозь зубы процедил Ал. – И если бы не ты, то на одного верховного мага стало бы больше.

– Ну, простите, что так невзначай поломала ваши планы, – раздражённо ответила на его реплику. – Видимо, провидение решило, что вы не достойны стать лучшим. Но! У вас есть шанс доказать обратное. Вы отправляете меня домой, а я поговорю с тем, кто должен был оказаться здесь вместо меня. Вы же сами сказали, что туман

затянул меня по ошибке.

– Не так быстро, леди. Думаю, что вам придётся задержаться здесь на неопределённое время. Можно, конечно, просто от вас избавиться, но думаю, что вы появились здесь не просто так. В этом

должен быть смысл, – сказал второй. – Что думаете? – обратился он к остальным.

– Время потеряно. Теперь ритуал можно повторить только через десять лет. Две звезды уже удалились друг от друга. А самое благоприятное время – это когда они сходятся на ночном небосклоне в одной точке, – подтвердил первый. – Но что мы будем с ней делать?

Глава 7. Решение

Трое магов снова на меня уставились. Маски на мужчинах скрывали выражение их лиц и добавляли некую театральность в происходящее, усиливая ощущение нереальности. Но это не расслабляло, а, наоборот, обостряло чувства. Ощущение опасности, исходившее от этой троицы, стало практически осязаемым. Ал медлил. Молчал, поигрывая тростью. Рассматривал меня. Я же застыла в ожидании его ответа. Даже дышать перестала и вся вытянулась в напряжении, ловя каждое слово, звук, жест. В эту секунду решалась моя судьба. Время для меня изменило привычный ход, растянулось тягучей смолой и снова быстро понеслось вперёд вместе с частым стуком

моего сердца, стоило магу заговорить.

– Предлагаю от неё избавиться, – холодно ответил Ал на заданный вопрос. – Обычных людей и так слишком много расплодилось. Зачем добавлять в их ряды ещё одну, чтобы она размножалась? – презрительно фыркнул он. – Человеки плодятся без проблем. Им не нужно долгое время подыскивать подходящую пару, чтобы стихии не конкурировали.

От страшного смысла сказанных таким будничным тоном слов у меня волосы зашевелились на затылке, и страх холодной змеей скользнул по позвоночнику. Капелька ледяного пота скатилась по спине. Такой точно может избавиться и не поморщится.

– И что бы ты делал без простых людей? Ты прекрасно пользуешься результатами их труда. А их количество урегулируют принятием Закона, который продвигает твой отец. Осталось только заручиться

поддержкой Калеба, – сказал первый.

Я мысленно поблагодарила этого мужчину – хоть таким образом, но

он встал на мою защиту.

– Калев, – зло процедил Ал и чуть не сплюнул, но вовремя вспомнил, что на нём маска. Он в сердцах взмахнул тростью, вырисовывая из огненных искр букву «Д» и разрушая её накрест. Искры погасли, словно умерли, и осыпались чёрным пеплом на каменный пол. – Всегда и во всём первый.

Демонстрация огненного фокуса не произвела на меня ровно никакого впечатления. Я скорее вздрогнула от тона Ала, пропитанного ядовитой ненавистью и злостью в отношении этого Калеба. Обхватила себя руками, чтобы унять нервную дрожь. Как меня угораздило оказаться в такой дурацкой ситуации? Да ещё рядом с этим психом, ненавидящим

род людской.

Второй хохотнул и, веселясь, поддержал разговор:

– Ну, не совсем, он родился всего лишь вторым. Так что королём ему не стать. Он будет лишь тенью брата. И никогда не обретёт пару, твоя семья приложила к этому руку. Вы лишили брата короля предначертанного будущего. Твоя сестра должна была стать его половиной.

И два великих рода

должны были объединиться.

– Пожалуй, я оставляю тебя в живых, женщина, – судя по потеплевшему голосу Ал довольно улыбнулся. После упоминания о какой-то пакости, сделанной неизвестному мне Калебу, настроение Ала кардинально изменилось в лучшую сторону. – Будешь пока мне служить. Я полистаю древние тексты, возможно, ты пригодишься мне для повторного ритуала. А там посмотрим.

Только сейчас я немного перевела дух. То, что меня оставят в живых – это хорошо. Второе предложение Ала мне категорически не понравилось. Но нужно было выбираться из подвала, а дальше уже действовать по ситуации. Если в этом мире есть простые люди, такие же, как я, то среди них можно затеряться. Плохо, что их используют только в качестве рабочей силы, но стоило разобраться на месте, что к чему. Оказаться в рабском положении мне совсем не улыбалось.

Но был ещё один вариант возможного спасения: некий Калев, которого люто ненавидел Ал. Судя по степени зависти Ала, этот Калев

– достаточно сильный маг. Следовательно, можно попытаться найти его и, может быть, удастся вернуться домой с его помощью. Если он не такой же шовинист.

Пока я судорожно обдумывала дальнейшие действия, Ал тростью указал

на одну из стен подвала и

приказал мне:

Ты! Иди!

Я, оглядываясь на троицу, на негнущихся ногах пошла в указанном направлении. Меня потряхивало от нервного напряжения. Остановилась возле массивной, окованной железом двери с большим

кольцом вместо ручки. Потянула тяжёлое кольцо на себя, но дверь не поддалась.

– Отойди, – послышался новый приказ Ала. И не успела я толком сделать шаг в сторону, как маг вскинул трость, выпустившую еле заметную зеленоватую дымку, и направил её в сторону двери. Та отскочила, как игрушечная, открывая выход на узкую крутую лестницу, которая вела наверх из подземелья.

Мужчина прошёл вперед, за ним первый, второй галантно пропустил меня и подал руку, чтобы помочь подняться по лестнице. Чуть помедлив, я приняла помощь. Рука мужчины оказалась очень тёплой и сухой, надёжной. Крепкий захват давал опору, и я немного успокоилась. Выдохнула. Из каменного мешка я выбралась живой. Есть надежда таковой оставаться и дальше.

Подъём наверх занял минут пять. И всё это время я не могла избавиться от странного чувства покалывания в ладони, где соприкасалась моя кожа и кожа моего сопровождающего. Ощущение всё больше распространялось вверх, уже дойдя до груди и лопаток и перекидываясь на другую половину тела. Это напоминало колкие мурашки, как бывает, когда отсидишь ногу. Мужчина же, по-моему, ничего подобного не замечал.

Восхождение наверх завершилось. Мы вышли в широкий коридор, в который открывалось несколько дверей.

Свернули в первую открытую дверь и оказались в просторной гостиной

с большим камином в английском стиле конца XIX века.

Стены были облицованы оливковыми шпалерами с повторяющимся золочёным принтом, изображающим вензель буквы «М», а понизу забраны деревянными панелями цвета тёмного ореха. Массивная люстра раскинулась в сторону множеством рожков, которые светились ровным белым светом.

Направленная на камин тросточка хозяина зажгла жаркий огонь из сложенных в зеве камина поленьев. Два массивных тёмно-коричневых добротных кожаных дивана стояли друг напротив друга ближе к середине большой комнаты. В одном углу стоял рояль. Вдоль стены напротив окон стоял ряд громоздких стульев. Тяжёлые бархатные тёмно-зелёные шторы были подхвачены витым золотым шнуром и наполовину прикрывали высокие окна, вид за которыми был скрыт плотной сеткой тюля. Хотя стало понятно, что на дворе день.

Маги сбросили с себя плащи и маски, ничуть меня не опасаясь. Видимо, решили, что я для них больше не представляю угрозу. Передо

мною стояли трое красивых холёных молодых мужчин немногим старше меня. Около тридцати – не больше. Они выглядели так, словно сошли с картинки с изображением аристократов Старой Англии. Одежда в стиле Чарльза Диккенса, причёски, уложенные волосок к волоску и для пушного эффекта напомаженные средством для укладки, шейные платки, закреплённые булавками или брошами, – всё соответствовало.

Ал выглядел надменно и холодно. У второго оказалась неожиданно приятная и мягкая улыбка и заинтересованный взгляд. Первый выглядел спокойным и отстранённым, даже скупающим.

Буквально через минуту вошёл слуга и, поклонившись, сложил перед

собой опущенные руки, уставившись в пол.

Бесцветно спросил:

– Господин, какие будут распоряжения?

– Томас, принеси тавро, – сказал Ал, усаживаясь на диван, закинул ногу на ногу и посмотрел на меня тяжёлым немигающим взглядом серо-голубых глаз, таких же, как у меня.

Томас поднял лицо и, выпрямившись, повернулся на долю секунды, встав ко мне другим боком. Теперь я видела вторую половину его лица, которая до этого была не видна. От увиденного вздрогнула и, коротко вдохнув, затаила дыхание, сдержав себя, чтобы не вскрикнуть. На щеке слуги была метка в виде буквы «М».

С трудом удерживала себя на месте. Хотелось сорваться и бежать-бежать прочь из этого затянувшегося кошмара. В ужасе посмотрела на хозяина дома. Он улыбался, как змей, наслаждаясь моим ошарашенным

видом.

– Все мои слуги должны быть помечены, – расплылся он в ещё большей улыбке.

– Ал, может не стоит портить это симпатичное личико? – снова не напрямую вступился за меня первый. – Посмотри на неё, она совсем не похожа на служанку. Это короткое платье, чулки, туфли на высоком каблуке. Скажите, леди, кем вы были в своём мире? Куртизанкой?

Оторвать взгляд от мерзкого Ала не получалось. Как же мне хотелось его чем-нибудь огреть по голове, и побольнее. Но это только мечты. Шумно сглотнув, ответила:

– Я лекарь. И мой вид соответствует канонам моды моего времени. То, что я вижу надеть на вас, было у нас в моде два столетия назад, – наконец-то повернулась к заговорившему со мной. Сама же при этом судорожно соображала, что же мне делать. Как

избежать пытки и унижения?

«Бежать!» – кричал мой мозг. И я была с ним согласна.

– Как интересно, – отозвался первый. Он был одет наряднее остальных. Денди. – И что же носят ваши маги?

Подобный вопрос в момент безумного напряжения, вызвал нервный

смешок.

– По обстоятельствам. В повседневной жизни – мягкую обтягивающую футболку, – и тут же уточнила, – это такая эластичная рубашка без пуговиц и с коротким рукавом, и джинсы – обтягивающие брюки по фигуре из плотной ткани, чаще синего или чёрного цвета. Зимой – вязаные кофты, свитера. Сверху куртки, плащи, да много чего ещё. Как парадная одежда используется брючный костюм, похожий на ваш, но более свободного покроя, строгая рубашка без рюшей, галстук по типу узкого шейного платка. И тросточки у нас носят только те, у кого проблемы со здоровьем, – остановила взгляд на этом обязательном предмете гардероба местных магов. Видимо, у них трость была вместо волшебной палочки. – Мужским здоровьем, – не смогла удержаться от подколки и многозначительно

выпучила глаза в область паха спрашивающего.

Мои слова произвели неожиданное воздействие. Все трое синхронно выпустили тросточки из рук и положили их рядом с собой. А я прикусила язык, чтобы ещё что-нибудь подобное не ляпнуть. Хотя вид

эти трое сейчас имели презабавный.

От следующего вопроса ко мне мужчин отвлёк тихий мелодичный звон.

В противоположные тем, в которые мы вошли, двери в комнату с поклоном заявился другой слуга.

– Господин, герцогиня Виленийская. Какие будут распоряжения?

– Джейсон, – обратился Ал ко второму, кивая в мою сторону подбородком, – уведи её пока, не хочу никаких расспросов от этого коршуна в юбке.

Джейсон кивнул, и, взяв меня за локоть, настойчиво подтолкнул к двери. Я колебалась секунду, но потом всё же вышла. Рассчитывать,

что мне поможет незнакомая герцогиня, было наивно. Поэтому нужно попытаться сбежать, пока мужчины будут заняты высокой гостьей. А я не буду находиться под пристальным вниманием этой троицы.

Джейсон подхватил меня за локоть и быстрым шагом вывел в

коридор. Ушли мы недалеко. Он втолкнул меня в открытые двери через комнату и, мило улыбнувшись, сказал: – Не скучайте, леди, скоро мы с вами снова увидимся.

Двери за ним закрылись с характерным щелчком защёлкивающегося замка. Сволочь, не мог забыть закрыть! Я в сердцах топнула ногой. Но всё равно подошла к двери и подёргала. А вдруг поддастся? Не поддалась.

Глава 8. Побег

Вот он, мой шанс сбежать, пока я не под присмотром троицы.

Отступила от закрытой двери и огляделась по сторонам. Меня заперли в каком-то подсобном помещении. Комната была совсем небольшой. Здесь хранились всякие приспособления для уборки. Какой-то хлам, стул с треснувшей обивкой. Напротив двери было окно. Совсем узкое, словно щель, и без фурнитуры для открывания. Меня это не остановило. Оглядевшись по сторонам, нашла увесистую кочергу, у которой была отломана деревянная ручка. Ухватились за неё и что было силы саданула по стеклу. Стекло оказалось достаточно прочным. На нём появились радиальные трещины, которые расходились из точки удара. Перехватила сильнее кочергу, как гольфист клюшку, настроилась и ещё раз ударила, чуть промазав, а потом ещё раз и ещё. Стекло рассыпалось на мелкие квадратики, как

разбивается калёное.

Свежий воздух пахнул в лицо. Ворвавшийся ветерок пошевелил растрёпанные волосы. И я с долей облегчения глубоко вдохнула запах озона, как после грозы, зелени и сырой земли.

Какой-то тряпкой быстро смахнула с подоконника осколки и высунула голову в проём. Высокий первый этаж выходил на узкую кольцевую аллею, забегаящую за угол дома. За дорожкой через ровный английский зелёный газон начинались насаждения кустарников в

человеческий рост, аккуратно подстриженных в форме шара. Что было

за ними – непонятно. Растительность закрывала обзор.

Что делать дальше, сомнений не было. Бежать! Выбросила туфли на улицу, ведь прыгать на высоких каблуках глупо, только ноги сломаю. И боком, извиваясь змеей, протиснулась в узкую раму окна. Повисла на вытянутых руках. Раз. Два... На три разжала руки и с тихим шорохом свалилась попой на траву, не удержавшись на ногах. Перекатилась

на четвереньки, чувствуя коленями и руками мокрую траву. Подхватила туфли, встала и босиком побежала по мокрому газону прочь от дома, прочь от негостеприимных магов. Бежала туда,

где можно было укрыться за кустами и найти выход с территории особняка.

Адреналин зашкаливал, кровь пульсировала в ушах, во рту появился металлический привкус. Останавливаться было нельзя. Узкая аллея вывела меня к широкой подъездной, на которой стоял старинный автомобиль

с водителем за рулём.

Выход был передо мной – рукой подать. Но чтобы к нему пройти, пришлось бы пересечь открытое пространство перед автомобилем.

Минуты бежали вперёд. Я всё больше нервничала. Решилась: или пан, или пропал. Сбравшись духом, обула туфли, застегнула все пуговицы на пальто, быстро вытянула из остатков причёски шпильки, чтобы придать волосам более опрятный вид и уверенно ступила из своего укрытия на дорогу. Не оглядываясь, пошла к воротам, стараясь не думать ни о чём плохом, чтобы не навлечь беду. Просто считала про себя. Раз, и два, и.

Дверь в особняк отворилась и на порог вышли трое моих недавних знакомцев и элегантная леди лет сорока пяти, тоже с тростью. Пока леди что-то высказывала побледневшему Алу, это я заметила, когда одиножды оглянулась посмотреть на магов, – я прибавила скорости. Не теряясь, стараясь не оглядываться, шла к намеченной

цели. Ещё немного – и

граница, отмеченная высоким забором из литого чугуна, с острыми пиками на верхушках, была мною пересечена. При этом я на физическом уровне ощутила выход так, словно выбралась из мыльного пузыря.

За воротами сразу же свернула направо и, пробежав метров двадцать, выскочила на оживлённую улицу большого города викторианской эпохи.

По дорогам передвигалось достаточное количество автомобилей, но всё равно гораздо меньше, чем в наших городах. Машины выглядели, как наши раритетные элитные модели. Такие у нас можно увидеть только в частных коллекциях или музеях развития автопрома. Но вот шума и гари от них не было совсем. Из-под днища при движении

струился бледнозелёный, еле заметный свет.

По мощённому брусчаткой тротуару шли прохожие, спешащие по своим

делам. В основном это были люди без

тросточек, но встречались и такие. Своей одеждой я сильно отличалась от прохожих. Мне ещё

повезло, что пальто у меня было приталенным, удлинённым до середины голени, и скрывало моё короткое платье. Прохожие женщины были в закрытых под горло платьях длиной до щиколотки с небольшим турнюром сзади. Роль верхней одежды выполняли или плащи-накидки, или полупальто, повторяющие формой верх платья. Кокетливые шляпки украшали высокие причёски. В руках женщин были или корзинки, или сумочки-мешочки. Я словно оказалась во времена героев книг Джейн Остин.

Рассматривая исподволь население, с тоской понимала, насколько отличаюсь одеждой и, вероятно, манерой поведения от местных женщин.

Первостепенной задачей было, конечно, сбежать от возможной погони. Но уже сейчас я начинала бояться не только погони, а и того, удастся ли мне где-нибудь найти приют? Какую-то точку опоры, чтобы начать поиски неизвестного мага по имени Калед... Брата короля, насколько я поняла из злобной речи Ала. Зная, как у нас на Земле охраняют важных персон, ещё вопрос, удастся ли мне подобраться к нему настолько близко, чтобы поговорить? Выслушает ли он меня, простого

человека? Захочет ли помочь?

Чем больше думала об этом, тем тревожнее становилось на душе.

Тем не менее, закусив губу до боли, я стремительно шла вперёд.

Тротуар всё ещё вёл меня вдоль забора, который окружал территорию с трёхэтажным особняком Ала. Периодически я оглядываясь назад. Преследователей замечено не было. Я с облегчением вздохнула, заворачивая за угол. И тут же натолкнулась на злополучную тройцу. Мужчины довольно скалились, окружая меня с трёх сторон.

– Руки прочь! – прошипела разъярённой кошкой.

Не дамся! Действовала инстинктивно. С силой оттолкнув двумя руками первого, бросилась на проезжую часть наперерез бесшумно движущему автомобилю, рассчитывая проскочить перед ним. Мой манёвр почти удался. Я успела заметить испуганное лицо водителя, вцепившегося в руль, но получила в спину удар такой силы, что меня подбросило и швырнуло на капот и по законам физики приложило головой в лобовое стекло. Последнее, что я запомнила прежде, чем погрузиться во тьму, – это лицо женщины, герцогини.

– Лорд Аластер Мелфи, потрудитесь пояснить, что всё это значит? – герцогиня выбралась из салона автомобиля и хмуро посмотрела на молодых людей, которые остановились у обочины дороги, где произошла авария.

– Миледи, простите за это недоразумение, – замаявшись и отводя глаза от бездыханного тела женщины, по лицу которой стекала алая струйка, расчерчивая его на две половины, произнёс с поклоном

лорд Мелфи.

– Недоразумение? – голос герцогини прозвучал достаточно тихо, но так грозно, что молодые люди передёрнули плечами. – Вы считаете применение смертельного заклинания недоразумением? И против какого противника вы его применили?

– Это не то, чем кажется, – собрался силами Аластер, чтобы возразить, оправдаться.

В пылу погони он совсем не заметил автомобиль герцогини и сейчас сожалел, что она стала свидетелем происшествия. Сожалел ли он о своём поступке в отношении девушки? Нет. Она посмела послушаться и сбежать. Ей следовало быть наказанной. К тому же это из-за неё, пустышки, накрылся весь его просчитанный до мельчайших подробностей план. Если бы не она, то сейчас он уже обладал бы силой стихий и мог стать в один ряд с верховными магами Зоурака, так же, как его отец, лорд Мелфи. И с ним, маркизом Аластером Мелфи, считались бы!

Его друзья молча, бледными тенями смотрели на распростёртое тело, возле которого суетился водитель герцогини, стараясь вытянуть женщину за плечи из-под передних колёс. Убивать они никого не хотели. Они загоняли девушку, словно молодую лань, азарт погони подогревал кровь. И совсем не ожидали, что их друг применит боевое заклинание на улицах Рочестера, среди толпы прохожих, против этой забавной девчонки.

– А чем это должно казаться, по-вашему? Применять смертельное заклинание против обычного человека! Я видела её уходящей с территории вашего дома. Почему вы не остановили её тогда, а устроили эти догонялки сейчас? Лорд Джейсон Ормонд и лорд Тристан Баттенберг, а ваша версия какова? Думаю, вашим отцам будет интересно узнать, чем занимаются их отпрыски, пока они на службе у короны! – герцогиня зло стукнула тростью о землю так, что выбила

искры. – Аластер, я до сих пор не услышала внятного ответа. Только ваше блеяние. Почему вы догоняли эту несчастную?

– Миледи, она воровка, – виновник происшествия оглянулся на друзей, в поиске поддержки его придуманной на ходу версии. – Пришла наниматься к нам в дом служанкой, но я отвлекся на ваш визит, а когда вы ушли, то обнаружил пропажу драгоценностей.

– Что же такого ценного она у вас украла, что вы сразу заметили пропажу, не прошло и пяти минут? – прервала она его с сарказмом. – Я хочу знать, как простая девушка смогла что-то украсть у вас, мага.

– Госпожа! – воскликнул водитель, поддерживая потерпевшую под

спину. – Она дышит!

– Дышит? – удивилась герцогиня и, нахмурившись, окинула

беглым взглядом девушку, лицо которой было скрыто взлохмаченными русыми волосами, слипшимися от потёка крови. Лицо разглядеть не удавалось. Водитель предупредительно перекинул волосы вперёд, когда тащил бездыханное тело за плечи. – А должна была уже умереть от смертельного заклинания.

Герцогиня задумалась на пару секунд, принимая решение. Случай был

неординарный и требовал разбирательства.

– Аберон, положи её на заднее сидение, – распорядилась женщина и пошла к машине. Обернувшись через плечо, сказала: – Аластер, не забудь напомнить отцу – сегодня день памяти Мирайи. И будь готов вечером дать мне внятные пояснения по поводу этого происшествия, когда вы с отцом придёте ко мне в дом на ужин. Может быть, к тому времени, и девушка очнётся и сможет рассказать свою версию.

Мне будет интересно их сравнить, – герцогиня иронично улыбнулась, потом словно стёрла с лица улыбку и серьёзно сказала: – А вам, молодые люди, придётся давать мне пояснения завтра в канцелярии. И не надейтесь сговориться между собой. На двенадцать часов я лишаю вас голоса. Немедленно по домам!

Женщина направила свою трость в сторону лордов Джейсона Ормонда и лорда Тристана Баттенберга, быстро произнесла скороговоркой слова, и в сторону молодых людей полетело то заклинание, которым она им угрожала минуту назад. Мужчины даже вскрикнуть

не успели, как их рты оказались немы.

Глава 9. О прошлом и настоящем

Машина тронулась. Водитель сосредоточенно смотрел на проезжую часть через лобовое стекло в грязных разводах от крови пострадавшей женщины. В мыслях он костерил незадачливую девицу. Уж он-то разобрался во всех этих штучках, что гольтьба придумывала, лишь бы заполучить желаемое – кров и сытную еду под покровительством сильного мага.

Украдкой Аберон посматривал на свою хозяйку. Он восхищался этой железной женщиной и очень гордился тем, что служил в её доме. Аберон искренне недоумевал и раз за разом поглядывал на герцогиню Виленийскую – зачем ей понадобилась эта бешеная, бросившаяся под колёса. Женщина сидела, выпрямив спину и поставив перед собой трость,

неизменный аксессуар магов, и о чём-то размышляла.

Пока ехала машина, герцогиня несколько раз оглянулась назад, поглядывая на молодую женщину без сознания. Виновница

происшествия лежала на заднем сидении и самостоятельно не шевелилась. Безвольным кулем покачивалась на крутых поворотах и всё больше вымазывала светло-кремовую кожаную обивку сидений дорогого авто. Но не этот факт вызывал беспокойство. А смутное ощущение тревоги и какого-то непонятного чувства, которое обычно возникает, когда о чём-то забываешь и силишься вспомнить, но не получается.

– Аберон, по прибытию помести её в комнатах для слуг и пригласи к ней лекаря, я оплачу,

– распорядилась герцогиня, как только они подъехали к особняку.

Машина остановилась, и водитель, оббежав её, открыл перед хозяйкой дверь. Герцогиня величественно вышла и споро пошла к зданию,

крепко держав руке свою трость.

Сегодня предстояло слишком много хлопот. Вечером узким кругом должны были собраться те, кто любил её дочь, безвременно ушедшую

из этой жизни двадцать семь лет назад.

Водитель опять сел за руль и направил авто к заднему входу, бурча себе под нос, что тягайся тут со всякими оборванками, после которых ещё и машину придётся вычищать... Да ещё и без магии! Собственными руками.

Герцогиня стремительно зашла в дом, на ходу отдавая распоряжения дворецкому и старшей горничной. День был непростым во всех отношениях, полным забот о настоящем и воспоминаний о прошлом... Сегодня – день памяти её Мирайи.

За суетой приготовлений к ужину времени вспомнить о дневном происшествии не осталось. Справившись с основными делами, герцогиня поднялась к себе в комнату, чтобы принять ванну и переодеться

в подходящий наряд.

Последние несколько лет она жила здесь, в столице Зоурака – Рочестере, снова вернувшись на службу к королю. На то были причины, в которых она никому не хотела признаваться.

Родовой замок казался темницей, в которой миледи чувствовала себя заключённой, приговорённой к мукам одиночеством. Это гадкое чувство мерзкой лапой душило её по ночам, скреблось в утреннее окно и следовало по пятам, когда она была свободна от своих обязанностей перед короной.

Дражайший супруг погиб почти пятьдесят лет назад на службе, спасая нынешнего короля с братом, когда они были ещё малыши

детьми, от рук мятежников, желающих совершить переворот в стране. Прикрыть спину было некому. Самым лучшим напарником для супруга всегда была его жена. И это было истиной. Но тогда миледи не стояла рядом с любимым. Причина была архиуважительной – она рожала их долгожданного ребёнка. Дочь родилась, а Феликс так ни разу и не увидел малышку, их златокудрого ангела – Мирайю.

Годы летели, меняя сезоны за окном. Девочка росла.
Сейчас

эти воспоминания вызывали грустную улыбку.

Как же хорошо им было вдвоём! Быть матерью – это прекрасно. Видеть, как маленькое существо нуждается в твоём тепле, любви, заботе, и дарить всё это полностью, безвозмездно. Самой кормить младенца, не нанимая кормилицу. Учить первым шагам, словам, без нянь и гувернанток. Обучать азам магии. И лишь когда девочка проявила недюжинные способности, и у неё открылся дар двух

стихий, только тогда герцогиня впустила в их узкий круг посторонних, учителей.

Дочь выросла очень одарённой магессой, но слишком мягкой...

– Миледи, вы просили сообщить, когда привезут цветы, – дворецкий ненароком прервал поток болезненных и в тоже время счастливых воспоминаний.

Герцогиня кивнула, давая понять, что услышала. Выбросила из головы навалившиеся красочные картины воспоминаний, пронизанных эмоциями, чувствами, и решительно вышла из будуара.

– Должны успеть, – сказала она то ли себе, то ли шествующему рядом важному дворецкому.

Как бы не был недоволен Аберон, но он в точности исполнил поручение хозяйки и через мальчишку-посыльного пригласил лекаря из общественной больницы для простых людей. Хозяйка возглавляла в ней

попечительский совет.

Высокий статус герцогини способствовал тому, что не прошло и получаса, как на вызов явился сам главный лекарь больницы, лорд Крайтан.

Аберон сопровождал мужчину к попавшей в аварию женщине и, отойдя к двери, стал наблюдать за действиями лекаря. Стоило всё запомнить, чтобы доложить герцогине. Чётко, без запинок, так, как она любит.

Лорд Крайтан, хоть и работал в больнице для простых людей, но сам обладал магическими способностями, хоть и в незначительной степени. Развить дар ему не позволило нищенское существование его

родителей, которые обанкротились, когда он был ещё совсем ребёнком. Сейчас, занимая высокий пост, он откладывал с жалования средства на учителей. Индивидуальные занятия нынче дороги. Оставалось скопить самую малость. А пока занимался тем, чем мог.

Первым делом у постели пострадавшей в аварии, как сказал личный водитель самой герцогини Виленийской, он обследовал молодую женщину магически, отмечая по ходу, что одета она была достаточно откровенно. Это наталкивало на мысли о роде её занятий. Хотя все вещи выглядели добротны и, кроме того, выдержали аварию. А значит, фортины* у женщины должны водиться.

Первичная диагностика была завершена. Лорд Крайтан задумчиво поглаживал коротенькую бородку – приобретённая недавно

привычка. Отпускать бороду лекарь начал, чтобы выглядеть солиднее в глазах коллег и посетителей. Его очень молодой возраст

– тридцать лет – мешал в создании имиджа знающего специалиста. По меркам магов он был ребёнком, да и по меркам немагов – очень молод.

– Итак, что мы имеем, – тихо, себе под нос проговаривал он. – Травмы, как следствие столкновения девушки с автомобилем, минимальные. Только глубокая царапина на лбу, которая и дала много крови. Внутренних повреждений нет. Диагностика внутренних органов показала, что биологические часы женщины находятся в самом начале жизненного пути. На первый взгляд, всё в порядке. Тогда почему она больше часа находится без сознания? И состояние её ухудшается.

Лекарь вновь измерил девушке температуру. Нахмурился, видя, что жар усугубляется. Пожевал задумчиво губу и хлопнул себя ладонями

по коленям.

– Мастер, мне нужно ненадолго отлучиться, – подозвал он маячившего около двери водителя герцогини. – Через час буду. Ваша задача – в то время, пока я буду отсутствовать, позаботиться о чётком выполнении рекомендаций. Наблюдать за ней и сменять на лбу холодное мокрое полотенце, чтобы облегчить её состояние. Можно завернуть в мокрую простынь, если температура повысится ещё. В случае ухудшения, немедленно отправить мне весть по магпочте.

С тем он и ушёл, стремительно пересекая служебное крыло и выскальзывая через чёрный ход. Главный лекарь спешил в больницу, в свой кабинет. Там, на книжных полках были собраны труды многих известных лекарей и магов.

Лорд спешил посмотреть соответствующую литературу. Он чувствовал себя некомфортно, если не мог поставить точный диагноз, что случалось крайне редко. А этот случай точно был неординарным.

Аберон недовольно поморщился в ответ на распоряжение постороннего лорда. Стоило лекарю покинуть дом, как водитель поймал пробегающую мимо младшую служанку и перепоручил потерпевшую её заботе. Сам же отправился на кухню наконец-то поужинать.

Такой долгий день получался, а ведь скоро к хозяйке начнут сходить гости, и тогда на кухне всё будет крутиться только ради этого мероприятия.

Матильда, кухарка, не будет с ним церемониться и вполне может приложить поварёшкой по лбу. Аберон улыбнулся, вспомнив аппетитные формы этой пышечки, за которые он был не прочь подержаться, что за нижние мягкие округлости с крутыми бедрами, что за верхние, сладкие наливные яблочки. Настроение улучшилось, и он на время забыл, что на его попечении оставлена странная женщина, сейчас лежащая в комнате, где обычно поселяли слуг гостей, если они оставались

ночевать.

Темнота была густой, но не плотной, и я словно плыла в грозовом искрящемся небе. Раскатистый гром выстрелами тысячи орудий встряхивал застывшее сознание. Яркие ветвистые нити молнии, пронизывающие пространство, всё быстрее приближались, пока одна, осветившая все тёмные закоулки разума, не пронзила насквозь и не запустила ход мыслей, не подкинула странные образы, навеянные всеми предыдущими событиями этого долгого дня или не этого дня, а тенями

прошлого.

Голос, чистый в своем звучании, пел колыбельную:

В лунном небосводе лодочка плывёт, Правит этой лодкой добрый звездочёт, Звёздочки считает старец с бородой, Но совсем не знает, что и к нам с тобой, Звёздочка-малютка заглянула в дом... Осветила крошка тёмный уголок,

И зажгла в камине тёплый уголёк. Побывала в детской и теперь у нас Подрастает дочка, силою светя.. .(1)

– Выпусти.. Выпусти.

Шёпот раздавался отовсюду, не замолкая, не давая возможности найти выход из зеркального лабиринта, в котором я внезапно оказалась. Множество моих отражений хаотично двигались, бежали в тщетном поиске выхода.

Горячечный шёпот пробирался под кожу и проникал вглубь, вибрируя. Он скрёбся мышкой в подполье. Стучал клювом голубя в

окно. Звучал смехом детей во дворе. Лаем собаки. Клекотом коршуна. Бился в голове. Царапал и давил, разрывая внутри меня что-то упругое, но уже в мелких трещинах. На первый взгляд и не поймёшь,

что там что-то есть. Смотришь и видишь лишь отражение окружающего
мира, но без себя. Меня нет? Или я
есть?

– Выпусти. выпусти.

Молодой женский голос всё настойчивее просит, бьётся, разлетается в стороны многоголосым эхом.

– Кто ты? Где ты? Почему я тебя не вижу? – кричу в пустоту.

– Кто я? Я никто. Всего лишь тень из прошлого, того, что было и прошло, – неожиданно отвечает приятный мужской голос, звенит дыханием ветра и удивлённо спрашивает: – Ты здесь? Я буду рядом, хозяйка. Только позови!

– Я не знаю, как, – мне грустно от этого.

– Вспомни как, я твой раб с первого дыхания, – тёплый ветерок касается волос, нежным поцелуем – в лоб, окутывает своей мягкостью.

В нём столько заботы!

– Мне не нужен раб. Мне нужен надёжный друг. Я отпускаю тебя. Ты свободен! – почему-то хочется так сделать, и это правильно, но безумно грустно. Если он согласится, то я останусь совсем одна в этом

мире.

– Не свободен. Свободен! Я свободен! – радостно взрывается голос, взлетает надо мной вихрем, щекочет своим дуновением. – Вспомни

имя ветра и я вернусь, где бы ты ни
была.

– Выпусти.. .выпусти...

Вновь срывается женский шёпот, как шелест листвы за окном, душно пахнет розовыми пионами и тяжёлым выматывающим летним зноем с запахом далёкой грозы, стремительно приближающейся сюда, к сумрачному величественному замку на скале.

Уже вблизи слышны раскаты грома, и яркие молнии прорезают небосклон, подсвечивая призрачным голубоватым светом тяжёлые, низко летящие чёрные тучи.

Сегодня родится сильная магесса, та, из пророчества Оракула Храма Стихий, что сможет одарить силой и возвысить над другими,

принести венец и исполнить сокровенное желание, уничтожить без права возрождения, породнить древний род с королевской семьей. Она

– резервуар силы и мощи. Как просто всё отнять у новорожденной. Всего лишь нужно провести ритуал из старинной запрещенной книги, взяв кинжал из стали, закаленной в жерле вулкана, древнюю реликвию

королевского рода, шесть черных свечей и чашу для нескольких теплых капель крови младенца.

Дождь лился тяжелыми частыми каплями, раскаты грома сотрясали стены древнего замка до основания. Стихия бушевала, всё ближе, всё чаще ветвились молнии, ударяя в высокий шпиль на башне. Так часто, как и схватки у молодой магессы. Скоро всё завершится. Ребенок, только родившись, отдаст силу тому, кто будет рядом с ним в тот миг. Кто будет рядом с ним?

– Нет! Нет! Остановись! Ты не должен... ты не можешь... ты не хочешь... Она же твоя плоть и кровь! Не лишай её стихий! Дай мне час. Всего лишь час!

– Моя! Сила будет моей. Я! Я заберу её. У тебя будет другой одаренный ребенок. Ты забудешь, я помогу. Мирайя, ты же этого хотела,

– уговаривает взрослый мужской

голос.

С силой хлопает дверь в спальню. Он уходит. Дает время.

Ветер надрывно шумит, плачет, врывается в распахнутое окно, кружит над распростёртым телом магессы. Силы покидают её так стремительно, что нет уже возможности ни шевелиться, ни дышать.

– Мирайя... Мирайя, живи! – молодой мужской голос врывается, наполняясь тоской. Тревожит. Заставляет концентрироваться на себе. – Почему ты выбрала смерть?

Я вся превратилась в слух в ожидании ответа женщины. Мне так важно

знать её ответ.

– Не плачь, любовь моя. Смерть – это только начало жизни.

Голоса, образы удаляются в водовороте времени. Исчезают. Остаюсь лишь я с растерзанной сердцевиной. Вывернутым наизнанку нутром. Больно до жути. Противно. Гадко. Эмоции на разрыв. Остаётся малость.

– Не бойся, – шепчет ветром мой друг. – Выпусти её! Она всегда

была твоей частью. Ты поймёшь это.

Одно маленькое усилие – и радужный свет вырывается, разбивая
на острые осколки защитный блок, столько лет скрывающий истину. 2 1

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://litnet.com/ru/book/ta-kotoroi-moglo-ne-byt-b272491>